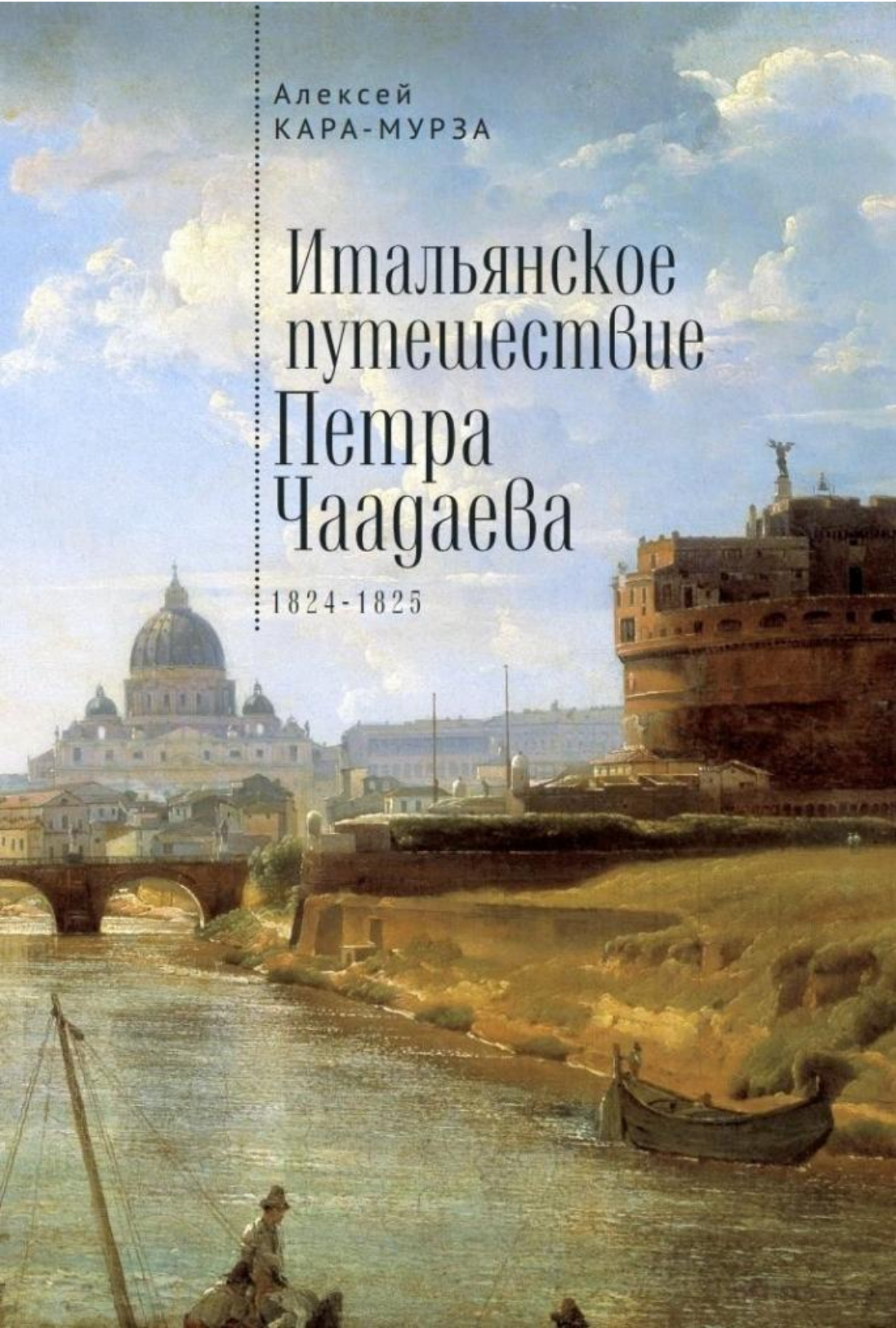

Алексей
КАРА-МУРЗА

Итальянское
путешествие
Петра
Чаадаева

1824-1825

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

А.А. КАРА-МУРЗА

**ИТАЛЬЯНСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ПЕТРА ЧААДАЕВА
(1824–1825)**

АКВИЛОН

ББК 87. 3
УДК 1 / 19
К 21

Рецензенты

Доктор философских наук О.А. ЖУКОВА
Доктор политических наук М.М. ФЕДОРОВА

А.А. Кара-Мурза. Итальянское путешествие Петра Чаадаева (1824–1825). — М.: Аквилон, 2019. — 112 с.

В монографии известного философа и историка исследуются обстоятельства пребывания русского мыслителя Петра Яковлевича Чаадаева (1794–1856), 225-летие которого отмечалось в 2019 г., в Италии в декабре 1824 – августе 1825 гг. Выезжая летом 1823 г. за границу, отставной гвардии ротмистр Чаадаев первоначально вообще не планировал посещать итальянские государства, ограничившись Германией, Англией, Францией и, возможно, Швейцарией. Однако в ходе вояжа именно Италия (Сардинское королевство, Великое герцогство Тосканское, Папское государство и Ломбардо-Венецианское королевство, входившее в состав Австрийской империи) стала важнейшим по своему значению этапом его европейского путешествия. По мнению автора, именно во Флоренции и Риме у Чаадаева сформировались основные положения его оригинальной историософской концепции, изложенные затем в «Философических письмах» во второй половине 1820-х гг. Отдельным сюжетом книги является анализ обстоятельств возвращения Чаадаева в Россию в 1826 г., в разгар следствия по делу участников «декабристского заговора».

Научно-популярное издание

ISBN 978–5–906578–49–5

© А.А. КАРА-МУРЗА, 2019.
© Институт философии РАН, 2019.
© Издательство «Аквилон», 2019.

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается.

*Памяти младшего брата
историка и журналиста
Владимира Кара-Мурзы*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
Из Швейцарии в Италию.....	10
В столице Великого герцогства.....	17
На пути к Риму.....	26
В «Вечном городе».....	30
«Тема Колизея».....	38
Встречи с русскими художниками.....	42
Прощание с «Вечным городом».....	48
После Рима.....	52
Возвращение в Россию.....	55
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	58
ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	61
ФОТОАЛЬБОМ.....	63

На обложке

Сильвестр Феодосьевич Щедрин (1791–1830). Новый Рим. Замок св. Ангела.

Из коллекции Третьяковской галереи.

(Произведение находится в общественном достоянии)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь русского философа Петра Яковлевича Чаадаева (1794–1856), 225-летие со дня рождения которого отмечалось в 2019 г., полна загадок, тайн и мистификаций. Достаточно сказать, что два самых авторитетных биографа Чаадаева XIX в. — М.Н. Лонгинов и М.И. Жихарев, называют две различные даты рождения Чаадаева (соответственно, 1793 и 1796 гг.) — и обе неверные!¹ При этом Жихарев — родственник и душеприказчик Чаадаева, долгие годы был уверен, что Чаадаев, вошедший в историю как великий москвич, родился... в Нижегородской губернии².

Но даже на этом туманном биографическом фоне совсем мало прояснены обстоятельства европейского путешествия Чаадаева 1823–1826 гг. по Англии, Франции, Швейцарии, Италии, Германии, откуда он привез основные идеи прославившей его впоследствии историософской системы. Тот же Логинов, например, существенно ошибался в определении самих сроков чаадаевского вояжа, утверждая: «Вышедши в отставку, Чаадаев предпринял весной 1821 года (на самом деле летом 1823 г. — А.К.) путешествие за границу, продолжавшееся пять лет (в реальности три года. — А.К.)»³.

...Начнем с мотивов путешествия Чаадаева в чужие края. Его близкий приятель, Д.Н. Свербеев, встречавшийся с Чаадаевым летом 1824 г. в швейцарском Берне, а потом много общавшийся с ним в Москве, изложил в мемуарах свою версию путешествия

---

¹ См.: *Лонгинов М.Н.* Воспоминание о П.Я. Чаадаеве // Петр Яковлевич Чаадаев. Философское и публицистическое наследие (ред. Б.Н. Тарасов). М., Русский мир, 2008. С. 316; *Жихарев М.И.* Докладная записка потомству о Петре Яковлевича Чаадаеве // Петр Яковлевич Чаадаев. Философское и публицистическое наследие. С. 343.

² *Жихарев М.И.* Докладная записка. С. 343.

³ *Лонгинов М.Н.* Воспоминание о П.Я. Чаадаеве. С. 331.

Чаадаева: «Судя по его собственным рассказам и по отдельным его статьям, которые читались потом в коротком его кружке, он преимущественно обращал внимание на произведения искусства Древнего мира и Средних веков и ими поверял и объяснял любимые свои исторические убеждения»⁴.

Нам почти ничего неизвестно о рассказах Чаадаева-путешественника «в коротком его кружке», но в главном Свербеев, конечно, ошибается: «интерес к древностям» совсем не был среди изначальных приоритетов чаадаевского отъезда из России в 1823 г.

Чаадаев, как известно, подал в отставку после аудиенции у императора Александра I во время конгресса «Священного союза» в Троппау, будучи посланным туда его военным командиром, князем И.В. Васильчиковым, с докладом об «истории» в Семеновском полку. Чаадаев, сам в 1812–1814 гг. бывший гвардейцем-семеновцем, глубоко переживал за бывших однополчан, воспротивившихся самодурству нового командира, полковника Г.Е. Шварца, и особенно — за любимого двоюродного брата, князя Ивана Щербатова, которого неправомерно записали в число главных зачинщиков «бунта».

Судя по всему, вызвавшись доложить Александру I о «семеновской истории», Чаадаев рассчитывал смягчить недовольство царя, представив дело в нужном свете. Однако австрийский канцлер Клеменс Меттерних, исподволь укрепляя свои позиции в Троппау, был, напротив, заинтересован представить безобидную в сущности историю как «военный заговор». Царь был вынужден оправдываться, уверяя союзников, что «ручается головою, что у него в России никаких не будет восстаний»⁵. На что Меттерних с

---

⁴ *Свербеев Д.Н.* Мои записки (ред. М.В. Батшев, Б.П. Краевский, Т.В. Медведева). М., Наука, 2014. С. 522. Свербеев, судя по всему, плохо себе представлял и обстоятельства возвращения Чаадаева из-за границы, будучи почему-то уверенным, что это произошло... «в 1827 году» (Там же. С. 522–523).

⁵ *Глинка С.Н.* Исторический взгляд на общества европейские и судьбу моего отечества // Николай I. Личность и эпоха: Новые материалы. СПб., 2007. С. 121.

сарказмом отреагировал: «Государь, не теряйте голову; она слишком драгоценна для России и для Европы»⁶.

Как бы там ни было, император Александр склонился в итоге к варианту жестких репрессий по отношению к «семеновцам». Миссия Чаадаева потерпела неудачу, и, чтобы спасти репутацию, он вынужден был подать в отставку. Некоторое время он еще оставался в России, с горечью наблюдая за деградацией так много обещавшего когда-то царствования и — особенно внимательно — за эскалацией репрессий в отношении несчастного брата (князь И.Д. Щербатов в итоге оказался на Кавказе, где и погиб в 1829 г.).

В июле 1823 г. Чаадаев, находившийся в состоянии глубокой депрессии, отправился из Кронштадта морем за границу, следуя рекомендациям врачей и намереваясь подлечиться «морскими купаниями». Обстоятельства привели его вместо германского побережья на курорты южной Англии — в Брайтон, Уортинг, на остров Уайт. После «Туманного Альбиона», где он жил с августа по середину декабря 1823 г., Чаадаев побывал во Франции (конец декабря 1823 – август 1824 г.), а затем в Швейцарии (август – декабрь 1824 г.). Понятно, что ни в одной из этих стран он не мог удовлетворить приписываемого ему Свербеевым «интереса к древностям».

Иное дело — пребывание Чаадаева в Италии, которое поначалу вообще не замысливалось, потом планировалось максимально коротким, но затем растянулось на восемь месяцев — с декабря 1824 г. по август 1825 г.

---

⁶ Там же. Лукавый австрийский канцлер в своих позднейших мемуарах писал, что якобы именно он, Меттерних, хотел смягчить гнев Александра I и предостерегал императора от поспешных радикальных выводов. Увы, некоторые отечественные исследователи до сих пор все-таки используют мемуары Меттерниха в качестве надежного источника.

ИЗ ШВЕЙЦАРИИ В ИТАЛИЮ

О том, чтобы продлить путешествие и после Англии, Франции и Швейцарии посмотреть еще и Италию, Чаадаев всерьез задумался, скорее всего, в Париже. 1 января 1824 г.¹ он писал из французской столицы родному брату Михаилу: «Я помню, мой друг, что отпуск мне дан (братом и тетушкой. — *А.К.*) только на год, но в год не успею всего сделать; пришлите мне отсрочку на шесть месяцев, более не требую; неужто мне не видать Италии!»². И далее — уже как о деле, почти решенном: «Самая дорогая часть моего странствия окончена, теперь остаются одни дешевые земли: Швейцария, Италия и Германия»³.

Тетка и брат были, разумеется, против новых задержек в и без того затянувшемся вояже, поэтому 1 апреля 1824 г. Чаадаев пишет Михаилу из Парижа уже более настойчиво: «Что же касается вашего запрещения мне ехать в Италию, то я уверен, что вы отмените его, если немного обдумаете это дело»⁴. И далее он напоминает брату, как оба они в детстве грезили об Италии — «стране очарования»: «Я думал, что ты достаточно благоразумен, чтобы не отклонять меня от этого путешествия. Если Италия не представляет ничего соблазнительного для твоего воображения, то это потому, что ты Гурон, но меня-то, который в этом не повинен, за что ты

---

¹ В дальнейшем изложении все события, имевшие место на территории Российской Империи, как и написанные в России письма, датируются по юлианскому календарю («старому стилю»). Равным образом, всё, что будет иметь отношение к событиям в Европе, будет датировано по принятому там григорианскому календарю («новому стилю»).

² Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2-х тт. (ред. З.А. Каменский). Т. 2. М., Наука, 1991, С. 30.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 35.

меня хочешь лишить удовольствия ее видеть? А затем, неужели ты желаешь, чтобы, находясь в Швейцарии, у самых врат Италии, и видя с высоты Альп ее прекрасное небо, я удержался от того, чтоб спуститься в эту землю?»⁵.

В первых числах августа 1824 г. в приобретенной им дорожной коляске Чаадаев отправляется из Парижа в Швейцарию, где при русской миссии служил переводчиком младший брат его военного приятеля Ф.Ф. фон Берга (при Александре II дослужившегося до генерал-фельдмаршала) Александр фон Берг — вся швейцарская корреспонденция Чаадаева пойдет теперь через Берга-младшего.

Вообще говоря, четыре месяца, проведенные в Швейцарии, — это тоже весьма загадочный отрезок чаадаевского вояжа. Беглые заметки Д.Н. Свербеева, свидетельствующие об экстравагантном поведении Чаадаева в тесном кружке дипломатов в Берне⁶, лишь в очень малой мере отвечают на вопрос: что мог делать Чаадаев в Швейцарии в течение целых четырех месяцев?!

Особый смысл в этой связи приобретают свидетельства Н.И. Тургенева, встретившего Чаадаева несколько месяцев спустя в Риме: «Что-то мрачное замечаю я в Чаадаеве... Я нахожу, что он переменялся против прежнего. К тому же он не здоров и похудел» (запись из дневника от 29 марта 1825 г.)⁷; «в первые дни мне грустно было смотреть на него. К тому же он очень похудел» (из письма брату Сергею от 13 апреля 1825 г.)⁸. Очень вероятно, что путешествие Чаадаева, которое было предпринято, как мы знаем, в целях поправления здоровья, имело в какой-то момент обратный результат, и осенью 1824 г., т.е. именно в Швейцарии, Чаадаев серьезно болел.

---

⁵ Там же.

⁶ *Свербеев Д.Н.* Мои записки. С. 376–377.

⁷ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. IV: Путешествие в Западную Европу. 1824–1825. СПб., Нестор-История, 2017. С. 303.

⁸ Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.–Л., изд-во АН СССР, 1936. С. 458.

Нечто подобное за несколько десятилетий до этого произошло в Швейцарии с другим «русским путешественником», Н.М. Карамзиным. Тайно бежавший из Москвы из-за преследований екатерининского обер-прокурора князя Г.П. Гагарина, он из четырнадцати месяцев скитаний по Европе пять месяцев провел в швейцарской Женеве. Наше исследование карамзинских странствий привело к однозначному выводу: в Женеве беглец пережил тяжелую душевную болезнь. Этим, кстати, объясняется отмеченная многими исследователями крайняя скудость «женевских» фрагментов «Писем русского путешественника»⁹.

...Мы не имеем документально подтвержденных свидетельств того, как именно Чаадаев из Швейцарии оказался в Италии. Строго говоря, через Альпы в те времена было лишь два пути. Либо из Цюриха, Люцерна, Беллинцона — через перевал Сен-Готард: этим путем, например, осенью 1811 г. впервые попал в Италию Н.И. Тургенев¹⁰. Либо из Берна, Лозанны или Женевы — через Симплонский перевал; о путешествии в 1839 г. этим путем оставил воспоминания Н.В. Станкевич¹¹. Если учесть, что последнее из известных нам «швейцарских» писем Чаадаева (письмо брату от 30 ноября 1824 г.) написано в Женеве¹², то «симплонский вариант» представляется более вероятным.

Первый городок на итальянской стороне Альп, через который следовали путешественники, спустившиеся с Симплона, — это

---

⁹ См.: *Кара-Мурза А.А.* Швейцарские странствия Николая Карамзина. М., Аквилон, 2016. С. 61–70.

¹⁰ См.: *Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811–1816 гг.* (ред. Е.И. Тарасов). СПб., тип. Императорской АН, 1913. С. 130–131.

¹¹ См.: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские в Генуе. М., Альтекс, 2013. С. 50–51. В 1821 г. оставил краткие заметки об этих двух разных маршрутах и В.А. Жуковский, который сначала спустился в Италию через Сен-Готард, а вскоре вернулся в Швейцарию через Симплонский перевал (см.: *Собрание сочинений В. Жуковского*. 6-е изд., СПб., тип. Императорской АН, 1869. Т. 6. С. 247–249).

¹² *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. С. 47–48.

старинная Домодоссоло, находящаяся у подножия «Святой горы» (Sacro Monte Calvaro), на которой капуцинские монахи еще в XVII в. построили комплекс памятников, воспроизводящих Крестный путь Христа на Голгофу. А как раз в 1820-х гг. Домодоссоло с ее Святой горой стали еще и местом подвижничества выдающегося итальянского философа-монаха Антонио Розмини-Сербати.

Дальнейшая дорога на юг шла вдоль Лаго Маджоре в направлении Милана. Оттуда желающие продолжить путь вынуждены были двигаться в объезд Апеннин и ехать сначала каретой через Алессандро до Генуи, а потом — либо опять же в дилижансе вдоль тирренского берега, либо морем до Ливорно или Чивитта-Веккья. В любом случае, доказано, что, переправляясь в начале зимы 1824 г. через Альпы, Чаадаев поначалу собирался ограничиться лишь северной Италией (конкретно — Миланом и Венецией), а затем — через Вену — быстро возвратиться в Россию. В письме брату от 30 ноября 1824 г. Чаадаев вообще мотивировал необходимость переправиться через Альпы тем, что кратчайший путь в Россию был невозможен из-за необычайного разлива Рейна: «Прямым путем ехать нельзя, за дорогами; Рейн разлился; должен ехать через Милан»¹³.

Милан в те годы был столицей Ломбардо-Венецианского королевства, созданного решением Венского конгресса в качестве одной из коронных земель Австрийской империи — в интересующие нас годы этим королевством, от имени императора Франца I, управлял вице-король Йозеф Райнер Габсбург.

В Милане планы Чаадаева в очередной раз поменялись. 30 декабря 1824 г. он писал оттуда брату: «Я приехал сюда с намерением через Венецию пробраться в Вену и оттуда домой. Здесь вижу, что в два месяца могу объехать Италию. То есть, отправившись через Геную и Ливорно в Рим, а оттуда в Неаполь, возвратиться через Флоренцию и быть в Венеции в начале марта. Я здесь на равном расстоянии от Вены и от Рима. Я еще ни на что не решился; собираю сведения; большой охоты пуститься по Италии не

---

¹³ Там же. С. 48.

имею, но надобно отделаться, чтоб вперед не иметь более никакой похоти»¹⁴.

Об этом же — в письме от 8 января 1825 г. из Милана университетскому другу, а потом боевому сослуживцу И.Д. Якушкину: «Прожив в Швейцарии четыре месяца, совершенно поправился... (еще одно свидетельство того, что обострение все-таки было. — А.К.). Намерение мое было через Милан и Венецию проехать в Вену и оттуда прямым путем домой... Приехав сюда, увидел, что могу объехать всю Италию в два месяца, и решился на это — последнее дурное дело; точно, дурное, непозволительное дело! Дома ни одной души нет веселой, а я разгуливаю и веселюсь; но скажи, как, бывши за две недели езды от Рима, не побывать в нём?»¹⁵.

Некоторые биографы Чаадаева, не располагая достоверными источниками, тем не менее решились предположить, что будучи в Милане, Чаадаев просто не мог не посетить (помимо, разумеется, всемирно известных Миланского собора и театра «Ла Скала») трапезную доминиканского монастыря Santa Maria delle Grazie, где можно было увидеть то, что осталось от знаменитой фрески Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», написанной мастером в 1495–1498 гг. по заказу миланского герцога Лодовико Сфорца и его рано умершей супруги Беатриче д'Эсте¹⁶.

Скорее всего, Чаадаев действительно видел работу Леонардо¹⁷: на протяжении многих десятилетий трапезная миланского монастыря являлась одним из обязательных мест для посещения русскими путешественниками и художниками. Так, в 1816 г. мо-

---

¹⁴ Там же. С. 49.

¹⁵ Там же. С. 51.

¹⁶ См., например: *Тарасов Б.* Чаадаев. М., Молодая гвардия, 1986. С. 110.

¹⁷ Строго говоря, «фреска» предполагает роспись по влажной штукатурке. Миланская «Тайная вечеря» написана иначе: Леонардо покрыл каменную стену слоем смолы, гипса и мастики, а затем писал по этому слою темперой, что оказалось технологией недолговечной. К тому же в 1796 г. захватившие Милан французские солдаты превратили трапезную монастыря в военный склад и сильно повредили творение Леонардо.

лодой художник Орест Кипренский проводил там целые дни, пытаясь постичь секреты Леонардо¹⁸.

Однако в конце 1810-х – начале 1820-х гг. поврежденный временем и вандалами шедевр Леонардо да Винчи подвергся новым испытаниям — на этот раз со стороны... реставраторов. Сначала Антонио де Антони и Франческо Барецци попытались очистить фреску от грязи и позднейших наслоений, но, не учтя, что Леонардо писал темперой, попутно смыли часть «леонардовского слоя». После них за дело взялся Стефано Барецци, применивший опробованную в Венеции технологию «strappo» — перенесение фрески на ткань, пропитанную специальным клеевым раствором, с последующим «возвращением» красок на новый носитель. Однако и эта попытка также была признана специалистами неудачной.

Что же мог увидеть П.Я. Чаадаев в конце декабря 1824 г. — первых числах января 1825 г.? Наиболее близкое по времени упоминание о посещении доминиканского монастыря в Милане и состоянии «фресок» Леонардо находим в путевом дневнике Николая Тургенев от 7 мая 1824 г.: «Вчера... в рефектории (от латинского *refectorium* — трапезная) бывшего монастыря *Madonna delle Grazie*, видел “Тайную вечерь” Leonardo da Vinci. Она совсем почти пропала. Но лицо Спасителя представляет еще прекрасное выражение, особливо в томных глазах...»¹⁹.

...Итак, после Милана Чаадаев отправился не на восток, в Венецию (как ранее планировал, собираясь через Вену быстро вернуться в Россию), а на юго-запад, в Геную, чтобы затем морем достичь Великого герцогства Тосканского, а потом двинуться еще дальше на юг. Можно предположить, что, проезжая по дороге городок Алессандро, «столицу» пьемонтской революции 1821 г.²⁰,

---

¹⁸ Талалай М.Г. Русский мир Милана. Прогулки по историческим адреса с Михаилом Талалаем. СПб., изд-во «Лик», 2001. С. 190.

¹⁹ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. IV. С. 339.

²⁰ В ночь на 10 марта 1821 г. заговорщики овладели главной военной цитаделью Пьемонта — крепостью г. Алессандро, создали там временный совет во главе с полковником Г. Ансальди, провозгласили Конституцию и объявили войну Австрии.

он не мог не размышлять о том, как менее четырех лет назад, когда он выходил в отставку, многие знакомые офицеры обсуждали вероятность «похода в Пьемонт» сотысячного русского корпуса во главе с генералом А.П. Ермоловым, который Александр I, увлеченный идеями «Священного союза», был готов бросить на подавление пьемонтского восстания. К счастью, карательный поход, который, несомненно, отравил бы отношения между русскими и итальянцами на долгие десятилетия, не состоялся: союзники-австрийцы быстро решили вопрос без участия русских²¹.

В середине января 1825 г. Чаадаев оказался в Генуе, которая решением Венского конгресса была присоединена к Сардинскому королевству со столицей в Турине. После революционных событий в Пьемонте, затронувших и Геную, порядок в старинном городе, некогда центре свободной республики, был восстановлен австрийскими войсками. К моменту приезда Чаадаева австрийцы покинули Геную, но город жестко контролировался сардинской администрацией: король Карл Феликс, бывший «герцог генуэзский», в 1822 г. награжденный Александром I русским орденом Андрея Первозванного (в том числе за подавление «пьемонтского бунта»), предпочитал жить не в Турине, а именно в Генуе, про-

---

²¹ Вот что писал о той истории сам несостоявшийся командующий карательным корпусом генерал А.П. Ермолов: «Государь император, вспооществуя австрийцам, назначил особенную армию из ста тысяч человек, которой и дано повеление приуготовиться к следованию в Италию... Были слухи, что я назначен главнокомандующим идущей в Италию армии, и прежде отъезда моего из Петербурга получены некоторые иностранные газеты, в коих о том упоминаемо было... Успехи австрийских войск в Пьемонте и сдача на капитуляцию Александрийской крепости положили конец возмущению... Таким образом, сверх всякого ожидания моего, был я главнокомандующим армии, которой я не видал и доселе не знаю, почему назначение мое должно было сопровождаться быть тайною. Не было на сей счет указа, хотя во время пребывания в Лайбахе (на конгрессе “Священного союза” 1821 г. — А.К.) Государь и император австрийский не один раз о том мне говорили» (Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. М., Высшая школа, 1991. С. 371–372).

долгая розыск «карбонариев» и практикуя внесудебные по преимуществу расправы над ними.

Из Генуи Чаадаев поплыл морем в Ливорно — главную гавань Великого герцогства Тосканского. После краха Бонапарта Тоскана была возвращена Фердинанду III Габсбургу, полностью находившемуся в орбите австрийской политики²². В июне 1824 г., совсем незадолго до описываемых событий, ему наследовал его сын Леопольд II.

В СТОЛИЦЕ ВЕЛИКОГО ГЕРЦОГСТВА

Во Флоренцию — столицу Тосканы — Чаадаев приехал в конце января 1825 г. и был там радушно принят в доме Алексея Васильевича Сверчкова, российского поверенного в делах Великого герцогства, служившего до этого в русских представительствах в Американских Штатах и Бразилии. Сверчков был женат на Елене Гурьевой (дочери недавно умершего министра финансов Д.А. Гурьева и сестре Марии Гурьевой — супруги российского министра иностранных дел К.В. Нессельроде). Чаадаев передал хозяевам привет от недавно виденного им в Париже брата Гурьевой, Николая, бывшего однополчанина по Семеновскому полку, а теперь тоже видного дипломата²³. Почти каждый свой вечер в столице Тосканы Чаадаев проводил в гостеприимном доме Сверчковых-Гурьевых.

---

²² В 1809–1814 гг. Тосканой правила старшая сестра Наполеона Бонапарта — Мария Анна Элиза, получившая от брата-императора титул «Великой герцогини».

²³ Впоследствии граф Н.Д. Гурьев будет русским посланником в Риме и Неаполе.

Неоднократно посещал Чаадаев и резиденцию русского посланника в Тоскане Николая Никитича Демидова, который переехал во Флоренцию из Парижа в 1820 г. после смерти первой жены Елизаветы Александровны (урожденной Строгановой) и вскоре сменил Н.Ф. Хитрово на посту императорского посланника при дворе Великого герцога.

Граф М.Д. Бутурлин, много лет проживший во Флоренции, так описал дом Демидова — представителя знаменитой семьи русских горнозаводчиков: «Нанимаемый им палаццо Серрестори у моста delle Grazie представлял пеструю смесь публичного музея с обстановкою русского вельможи прошлого века. Тут были французские секретари, итальянские комиссионеры, сибирские горнозаводские конторщики, приживалки, воспитанницы и в дополнение ко всему этому французская водевильная труппа в полном составе»²⁴. «Сверх сего штата, — добавляет Бутурлин, — постоянно проживали у него бездомные игроки и паразиты... В доме Н.Н. Демидова находилась также выставка малахитовых и других ценных вещей, а в саду — коллекция попугаев. Оба эти отделения были доступны флорентийским зевакам... Французские спектакли давались два раза в неделю, а затем следовал бал. Самого хозяина, разбитого параличом, перевозили из комнаты в комнату в креслах с колесами»²⁵.

Михаил Бутурлин, конечно, предвзят к Демидову. Николай Никитич прославился во Флоренции не только своей экстравагантностью. Назначенный во Флоренцию русским посланником, он открыл здесь на свои средства художественный музей и картинную галерею, в которых собрал произведения знаменитых ху-

---

²⁴ Записки графа М.Д. Бутурлина // Русский Архив, 1897. Т. 1, № 4. С. 622.

²⁵ Там же. С. 622–623. Именно на место тяжело болевшего русского посланника во Флоренции Н.Н. Демидова будет претендовать в 1826 г., в последние месяцы жизни, Н.М. Карамзин, однако безуспешно. Министр Нессельроде предназначал это место для любимого свояка Сверчкова, который и занял его после смерти Демидова в 1828 г., впрочем, очень ненадолго по причине собственной внезапной смерти.

дожников, ценные изваяния из мрамора и бронзы и массу других раритетов. Пожертвовав немалый капитал, Демидов устроил во Флоренции начальную школу для 160 мальчиков из бедных семей, а также дом призрения для престарелых и сирот. (В 1871 г. благодарный муниципалитет Флоренции назвал именем Николая Демидова площадь рядом с его дворцом. В центре Piazza Nicola Demidov, выходящей на набережную Арно, был установлен роскошный памятник работы Лоренцо Бартолини: Демидов изображен в образе римского патриция в белой тоге, обнимающий сына. Женская фигура, сидящая с лавровым венком у ног героя, символизирует признательность граждан Флоренции. По углам постамента — четыре статуи-аллегии: Природа, Искусство, Милосердие и... Сибирь, держащая на руках Плутона с мешком золота)²⁶.

Есть все основания полагать, что, приехав во Флоренцию зимой 1825 г., Чаадаев в первые же дни стал читателем «Научно-литературного кабинета Вьёссё» (*Gabinetto scientifico-letterario G.P. Vieusseux*) — просветительского учреждения, уникального не только для Италии, но и для всей тогдашней Европы. Основателем «кабинета», открывшегося во Флоренции в январе 1820 г., был коммерсант, издатель и путешественник швейцарского происхождения Джованни-Пьетро Вьёссё, поставивший свое необычное «детище» на коммерческий лад: каждый посетитель «кабинета» должен был оформить платный абонемент на определенный срок (во времена Чаадаева недельный пропуск стоил 10 паолов; месячный — 20 паолов). «Кабинет» размещался во дворце Буондельмонти на площади Santa Trinita: среди его читателей, вслед за Чаадаевым, позднее будут Станкевич, Чичерин, Герцен, Бакунин, Достоевский²⁷.

---

²⁶ См.: *Кара-Мурза А.А.* Демидовы // *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Флоренции. С. 81.

²⁷ В архиве «Кабинета Вьёссё» есть отметки, что уже в январь-феврале 1820 г. среди самых первых читателей были русские — молодой дипломат князь Николай Васильевич Долгоруков и путешествовавший по Италии тайный советник, князь Сергей Николаевич Салтыков. В том же году в «Кабинет» записались русский посланник в Тоскане Н.Н. Демидов и обосновавшийся во Флоренции граф Д.П. Бутурлин.

В объявлении 1819 г., оповещающем о скором открытии «литературного кабинета», сообщалось, что в распоряжении публики будут три зала для чтения, один для бесед, и особо подчеркивалось, что все они хорошо освещены и протоплены: для страстного читателя и библиофила Чаадаева, приехавшего во Флоренцию стыллой зимой, да еще нездоровым, это было существенно. «Кабинет» был открыт ежедневно с 8 до 22 часов; выдача книг начиналась в 9 и продолжалась до 17 часов. Среди услуг, которые предоставлялись читателям, помимо чтения иностранных изданий²⁸ была библиотека, книги которой можно было читать только в читальном зале, и абонемент — здесь можно было взять книги на дом (со временем их число достигло 20 тысяч единиц). Кроме того, у посетителей была возможность играть в шахматы, в шашки, а также пользоваться услугами кафе²⁹.

...Между тем главная флорентийская встреча ожидала Чаадаева впереди. Точно установлено, что 31 января 1825 г. он в очередной раз осматривал шедевры галереи Медичи в Уффици и, прохаживаясь по длинной Лоджии второго этажа, широкие окна которой выходили на Арно, случайно познакомился с английским священником-методистом Чарльзом Куком, который возвращался из паломничества по Святой земле в свой приход в южной Франции. Спустя несколько лет Чаадаев вспоминал о той встрече: «Лет пять тому назад я встретил во Флоренции человека, который мне очень понравился. Я провел с ним только несколько часов; часов, не больше, правда, очень приятных и очень хороших»³⁰.

---

²⁸ В 1825 г. «Кабинет Вьёссё» регулярно и довольно оперативно получал по меньшей мере одно издание из России — столичную газету «Санкт-Петербургские ведомости» (см.: *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. С. 425).

²⁹ Позднее на фасаде флорентийского Palazzo Buondelmonti была установлена мемориальная доска Дж.-П. Вьёссё.

³⁰ *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. С. 462. Этот написанный по-французски фрагмент, найденный в бумагах Чаадаева и переведенный князем Д.И. Шаховским, написан, судя по всему, в конце 1829 — начале 1830 гг.

«В нем, — продолжает свои воспоминания о необычном англичанине Чаадаев, — было странное смешение пыла и благочестия, живого интереса к великому предмету своей заботы — религии, и безразличия, холодности, спокойствия ко всему остальному (в этом образе легко узнается позднейший прототип поведения самого Чаадаева. — *А.К.*). В галереях Италии великие произведения искусства его почти не трогали, но маленькие саркофаги времен первых веков Церкви особенно его занимали. Он их рассматривал и размышлял о них с воодушевлением; в них он видел что-то святое, трогательное и глубоко поучительное, и он погружался в размышления, которые они у него вызывали»³¹.

«Итак, — подытоживает Чаадаев свой рассказ о Чарльзе Куке, — я провел с этим человеком лишь несколько часов — время совсем непродолжительное, почти мгновение; с тех пор я не имею о нем никаких известий. И что же! С этим человеком я в настоящее время общаюсь больше, чем с кем бы то ни было (“voilà l’homme, avec lequel je suis à cette heure le plus en société” — *франц.*). Не проходит и дня, чтобы я не вспоминал о нем; и всегда с волнением, с мыслью, которая среди моих столь великих печалей меня ободряет, среди столь многочисленных разочарований меня поддерживает. Вот настоящее общество для разумных существ; поистине, вот как две души влияют друг на друга: пространство и время здесь не могут ничего поделаться»³².

На основании этих кратких воспоминаний биограф Чаадаева Б.Н. Тарасов попытался реконструировать эту встречу. Тарасов, видимо, полагает, что слова «провели несколько часов...» означают, что Чаадаев с Куком *вышли из Уффици* и продолжили разговор где-то в городе (что, заметим, совершенно не следует из текста са-

---

³¹ Там же. С. 462. Во времена Чаадаева (и до 1888 г.) в Лоджии галереи Уффици размещалась в том числе коллекция древностей, которая составила позднее основу Национального археологического музея, расположенного ныне в Palazzo della Crocetta. Версия о том, что встреча Чаадаева с пастором Куком произошла якобы в Palazzo Bargello, не выдерживает критики: музей здесь будет организован лишь в 1865 г.

³² Там же.

мого Чаадаева): «Выйдя из галереи, они все время говорили о религии, о ее связи с социальными вопросами»³³. Мы склоняемся к иному мнению. Ведь интересующее нас событие имело место 31 января, а это зимнее время, по всем свидетельствам (в том числе и нашим личным впечатлениям), совсем не предполагает длительных прогулок по Флоренции. Почти наверняка свой многочасовой разговор Чаадаев с Куком провели, прогуливаясь туда-обратно по длинной лоджии второго этажа галереи Уффици.

Встреча во Флоренции с англичанином Чарльзом Куком, которого, как мы знаем со слов Чаадаева, «великие произведения искусства почти не трогали», многое объясняет в развитии эстетических взглядов самого Чаадаева. Только в контексте «флорентийской встречи» можно понять затруднительный для многих исследователей фрагмент из седьмого «Философического письма», практически полностью созданный Чаадаевым на основе итальянских впечатлений: «Вы спросите меня, может быть, *всегда ли я сам был чужд этим обольщениям искусства* (курсив мой. — А.К.)? Нет, сударыня, напротив. Прежде даже, чем я их познал, какой-то неведомый инстинкт заставлял меня предчувствовать их, как сладостные очарования, которые должны наполнить мою жизнь. Когда же одно из великих событий нашего века *привело меня в столицу, где завоевание собрало в короткое время так много чудес* (в Париж. — А.К.), — со мной было то же, что с другими, и я даже с большим благоговением бросал мой фимиам на алтари кумиров. Потом, когда я во второй раз *увидал их при свете их родного солнца* (в Италии. — А.К.), я снова наслаждался ими с упоением. Но надо сказать правду, — на дне этого наслаждения всегда оставалось что-то горькое, подобное угрызению совести (*au fond de cette jouissance quelques chose d'amer, semblable à un remords, se cachait toujours.* — *франц.*); поэтому, когда понятие об истине озарило меня, я не противился ни одному из выводов, которые из него вытекали, но принял их все тотчас же без уверток»³⁴.

---

³³ Тарасов Б.Н. Чаадаев. С. 112.

³⁴ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. С. 421. Чаадаев пытался опубликовать шестое и седьмое философи-

Разумеется, «духовный переворот», случившийся с Чаадаевым во Флоренции, был результатом долгой эволюции. В этом контексте несколько по-иному читаются некоторые фрагменты из более ранних и уже нами цитированных писем Чаадаева, например: «Большой охоты пуститься по Италии не имею, но надобно отделаться, чтоб вперед не иметь более никакой похоти» (из письма брату из Милана от 30 декабря 1824 г.)³⁵; «Последнее дурное дело (путешествие по Италии. — А.К.); точно, дурное, непозволительное дело! Дома ни одной души нет веселой, а я разгуливаю и веселюсь» (из письма И.Д. Якушкину из Милана от 8 января 1825 г.)³⁶.

Почти столетие спустя, в 1920-х гг. история встречи во Флоренции отставного гусарского ротмистра и протестантского проповедника стала предметом серьезного обсуждения публикатора и переводчика «философических писем», князя Дмитрия Шаховского (внучатого племянника Чаадаева), и его старинного друга Ивана Гревса — крупнейшего итальяниста и автора нескольких книг о Флоренции. В те годы оба, отказавшись покинуть Советскую Россию, по сути, «спасались» ностальгическими разысканиями «ушедшей под воду Атлантиды» — «русской Европы». Шаховской внимательно изучал «европейские следы» Чаадаева; Гревс, в свою очередь, писал книгу «Иван Тургенев и Италия»³⁷. В 1929 г. Шаховской не раз писал Гревсу из Москвы в Ленинград о том, что именно итальянские встречи и впечатления были, несомненно, определяющими в формировании историософии Чаадаева³⁸.

ческие письма в 1832 г. в типографии А. Семена под названием «Deux lettres sur l'histoire, adressées à une dame» («Два письма об истории, адресованные даме»), однако публикацию не разрешила духовная цензура (см. об этом: *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. С. 690–691, Т. 2. С. 526–527, 536–538.)

³⁵ Там же. Т. 2. С. 49.

³⁶ Там же. С. 51.

³⁷ *Гревс И.М.* Тургенев и Италия (культурно-исторический этюд). Л., изд-во Брокгауз-Ефрон, 1925.

³⁸ *Шаховской Д.И.* Письма к И.М. Гревсу // *Философский век.* Альманах № 26. История идей в России: исследования и материалы. СПб., Санкт-Петербургский центр истории идей, 2004. С. 184–185.

...А тогда, зимой 1825 г. во Флоренции, наш путешественник произвел, в свою очередь, сильное впечатление на англичанина Кука — вероятно, тот впервые в жизни общался с «русским европейцем», к тому же за полтора года объездившим пол-Европы. По-видимому, Кук посоветовал тогда Чаадаеву снова приехать в Англию и углубить свои интуиции относительно возможностей «соединения религиозной и гражданской жизни»³⁹. Об этом свидетельствует рекомендательное письмо, которое Кук написал тогда к своему лондонскому приятелю, пастору Томасу Марриотту: «Флоренция, Янв. 31, 1825. Милостивый Государь. Позвольте мне рекомендовать вашему знакомству и дружескому вниманию, на время пребывания его в Лондоне, г-на П. Чаадаева, который намерен посетить Англию с целью изучить причины нашего морального благополучия и возможность применить оные к его родине, России (“with the intention of examining the causes of our Moral Prosperity, and the possibility of applying them to his native country, Russia”. — *англ.*)»⁴⁰.

Когда летом 1826 г. Чаадаев возвращался в Россию, следствие по декабристскому делу еще продолжалось. Новый император Николай I старался тогда представить дело так, будто «революционный дух был внесен в Россию горстью людей, заразившихся в чужих краях новыми теориями»⁴¹; Чаадаев был задержан на пограничном пункте в Брест-Литовске, и найденная в его бумагах записка Кука стала предметом внимательного изучения. Специальная комиссия под руководством некоего «флота капитан-

---

³⁹ М.О. Гершензон удачно формулирует эту идею, ставшую подлинным *credo* Чаадаева: «Всякое общественное дело по существу своему не менее религиозно, нежели жаркая молитва верующего» (*Гершензон М.О. П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление // Гершензон М.О. Избранные труды в 2-х частях. Часть 2. М., РОССПЭН, 2010. С. 181*).

⁴⁰ *Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. С. 759.*

⁴¹ *Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2010. С. 480.*

командора Колзакова» (как позже выяснилось, доверенного лица Великого князя Константина, который проявил особое рвение в преследовании «заговорщиков») предложила Чаадаеву «вопросные пункты», и в том числе такой: «Кто таков англичанин Кук и какие именно причины нравственного благоденствия предполагали вы исследовать в Англии?»⁴²

Чаадаев тогда письменно ответил: «Англичанин Кук известный миссионер. Я познакомился с ним во Флоренции при проезде его из Иерусалима во Францию. Так как все его мысли и весь круг действий обращены были к религии, я же, со своей стороны, говорил ему с горестью о недостатке веры в народе русском, особенно в высших классах. По сему случаю он дал мне письмо к приятелю своему в Лондон, с тем чтобы он мог познакомить меня более с нравственным расположением народа в Англии»⁴³. «Так как я в Англии после сего не был, — с чистым сердцем прибавил Чаадаев, — то и письмо это осталось у меня, а с Куком и с Мариоттом никакого после того не имел сообщения и даже о них ничего не слыхал»⁴⁴.

...Короткий разговор Чаадаева с английским пастором Чарльзом Куком в одной из флорентийских галерей 31 января 1825 г. заслуживает того, чтобы попасть в пособия по отечественной культуре. Вспоминаются в этой связи слова Василия Розанова, размышлявшего над известным портретом Чаадаева на фронтисписе первого собрания его сочинений: ««Наконец Россия достигла состояния говорить с европейцами европейским языком: и этот первый говорящий — Я», — говорят губы Чаадаева, этот маленький, сухой, сжатый рот...»⁴⁵.

---

⁴² Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. С. 576.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. См. также: Шаховской Д.И. П.Я. Чаадаев на пути в Россию в 1826 году // Литературное наследство. Т. 19–21. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. С. 16–32.

⁴⁵ Розанов В.В. Чаадаев и князь Одоевский // П.Я. Чаадаев: Pro et Contra (ред. А.А. Ермичев, А.А. Златопольская). СПб., 1998. С. 360.

НА ПУТИ К РИМУ

Решение непременно побывать в «Вечном городе» было принято Чаадаевым, как мы знаем, в Милане. И к этому были важные причины. Дело в том, что 1825-й год был объявлен папой Львом XII «юбилейным», «Святым» годом — собираясь в 1823 г. в Европу, Чаадаев мог еще не знать об этом. Но, оказавшись сначала в католической Франции, а потом в Италии, он в полной мере ощутил экстраординарность происходящего. Десятки тысяч паломников со всего католического мира устремились в Рим в стремлении получить полную индульгенцию за бывшие и будущие грехи⁴⁶.

Молодой русский пейзажист Сильвестр Щедрин, пенсионер Российской Академии художеств, с которым Чаадаев будет потом общаться в Риме, так описал религиозный экстаз, охвативший «Вечный город» и его окрестности (где Щедрин часто писал с натуры) уже летом-осенью 1824 г.: «Теперь мы приближаемся к святому году, по всем городам разъезжают миссионеры приуготовлять народ к сему торжественному времени; в Альбано я сам был свидетель их поучений, делаемых на большой площади, а по вечерам на градских улицах. Проповедник становился на возвышенное место в первом встретившемся перекрестке и после небольшого поучения колотил себя по голой спине цепями, которые столь остры, что каждым ударом выпускают кровь, народ также оному сле-

---

⁴⁶ «Святой год» — юбилейный год от Рождества Христова, празднуется в католическом мире с 1300 г. В 1470 г. папа Павел II выпустил энциклику, согласно которой «юбилейные годы» должны были отмечаться каждые 25 лет, дабы каждое поколение могло реально ощутить величие этого события.

довал и колотил себя кому чем пришлось, ужасный крик наполнял городские улицы»⁴⁷.

В письмах Щедрина родным в Россию не раз отмечается, что даже на фоне тягостной, но уже привычной «несказанной скуки» в патриархальной папской столице⁴⁸ перспективы «Святого года» выглядели крайне удручающе: «Публичные театры и прочие увеселения в конце нынешнего месяца (декабря 1824 г. — *А.К.*) запрут на целый год (вот тут-то будет весело)...»⁴⁹.

Но то, что раздражало и отпугивало бонвивана Щедрина, стремящегося поскорее вернуться на любимые пензэры Южной Италии: в Неаполь, Сорренто, Амальфи⁵⁰, напротив, манило аскетичного и склонного к самоуглублению Чаадаева. В тому же во Флоренции ему стало известным воодушевившее его обстоятельство: оказывается, в те же месяцы, что и он, по Италии путешествовал его старший друг по университету, один из особо ценимых им людей — Николай Иванович Тургенев (1789–1871). Всего за два месяца до приезда Чаадаева во Флоренцию Тургенев был там, а потом отправился на юг — в Рим, Неаполь и, как поговаривали, даже на Сицилию!

Узнав о пребывании Тургенева в Италии, Чаадаев сразу же написал ему из Флоренции наудачу — в Неаполь с предложением непременно встретиться: «Любезный Николай Иванович. Мне сейчас сказали, что вы были здесь тому месяца два назад, а отсюда

---

⁴⁷ Итальянские письма и донесения Сильвестра Феодосьевича Щедрина. 1818–1830 (ред. М.Ю. Евсевьев). М.–СПб., Альянс–Архео, 2014. С. 248.

⁴⁸ В письме родным в Петербург от 7 ноября 1824 г. С.Ф. Щедрин писал из Рима: «По вечерам здесь скука несказанная, театры нестерпимы своими узенькими местами, и скамейки так близки одна к другой, что отбило всю охоту ходить в театры, где, просидевши два часа, кажется, будто бы проехал 25 миль в прусском дилижансе» (Итальянские письма и донесения Сильвестра Феодосьевича Щедрина. С. 250).

⁴⁹ Там же. С. 249.

⁵⁰ *Кара-Мурза А.А.* Сильвестр Феодосьевич Щедрин // *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские в Амальфи. М., Альтекс, 2012. С. 21–37.

поехали в Рим и Неаполь. Мне и в голову не приходило, что вы странствуете... Скажите, где можно нам будет свидеться? Напишите ко мне, когда где вы будете; так как я *шатаюсь по свету без всякой цели* (это была сущая правда. — А.К.), то могу приехать куда прикажете. Если назад поедете через Флоренцию, то я, пожалуй, подожду вас здесь; на всякий случай, прежде шести недель отсюда не выеду, — если до того не получу от вас назначения. На обратном пути не заедете ли еще раз в Рим? всего бы лучше нам там свидеться. — Могли бы поболее побыть вместе. Впрочем, своего плана для меня, ради Бога, не нарушайте. — У меня никакого нет, следовательно, мне должно сообразиться с вашим удобством, а не вам с моим... Ваш старый друг П. Чаадаев»⁵¹.

В ответ Тургенев, получивший-таки это письмо, писал 26 февраля 1825 г. из Неаполя: «Какое удовольствие для меня, любезнейший Петр Яковлевич, найти, по возвращении моем из Сицилии, здесь письмо Ваше! Я никак не полагал быть так близко от Вас... Как бы то ни было, вы теперь в Италии и будете к Страстной неделе в Риме (католическая Пасха в том году отмечалась 3 апреля. — А.К.), следственно, я вас увижу... Письмо Ваше от 6 февраля, вероятно, нового стиля. Вы пробудете во Флоренции 6 недель. Следовательно, в половине марта оттуда отправитесь в Рим. Я также еду отсюда между 15 и 20 марта в Рим. Там увидимся»⁵².

Тургенев написал тогда, что думает отказаться от гостиницы «Allemagne» на углу Piazza Spagna и Via Condotti, где жил в декабре-январе, т.к. «Франц (хозяин-немец. — А.К.) непременно хочет, чтобы живущие у него в доме у него же и обедали»⁵³, и, чтобы быть на этот раз более независимым, собирается предпочесть «Albergo dell'Europa» рядом с Испанской лестницей⁵⁴. (Этих двух знаменитых в свое время отелей, где некогда жилали известные русские, сегодня не существует).

---

⁵¹ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. С. 52.

⁵² Там же. С. 418.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 418–419.

Итак, в середине марта 1825 г. Чаадаев выехал из Флоренции каретой в Рим. Путь из столицы Тосканы в «Вечный город» предполагал в те годы четыре промежуточных ночевки. Выехав из Флоренции из Porta San Niccolo, Чаадаев взял путь на Ареццо, где путешественники обычно обедают, потом ужинал и провел первую ночь в Кортоне.

На второй день справа показалось Lago di Perugia — крупнейшее в Италии Тразиментское озеро; в крепости Monte Gualandro, при выезде из Тосканы, была таможня Папского государства с проверкой документов. Наверняка *vetturino* — возница экипажа, не мог отказать себе в удовольствии указать путешественникам место, где в апреле 217 г. до н.э., в ходе 2-й Пунической войны, Ганнибал разбил высланную ему навстречу из Рима армию консула Гая Фламиния.

Вторая ночевка была в Перудже, столице Умбрии, входившей в те годы в состав папских владений. В середине дня, проехав Фолиньо, путешественники достигли «священных мест», связанных с именем св. Франциска Ассизского. Трудно представить себе, чтобы Чаадаев, глубоко интересовавшийся религиозной проблематикой, не проявил интереса, например, к стоящей рядом с почтовым трактом священной для христиан «великой базилике» Санта-Мария дельи Анжели, выстроенной в 1569–1679 гг. у подножия холма в Ассизи, «накрыв» каменную часовенку IX в., именуемую «Порциункула», где молился св. Франциск Ассизский.

Третью ночь путешественники из Флоренции в Рим обычно проводили в Сполето — городке, откуда Ганнибал, после многих побед, вынужден был отступить под давлением превосходящих римских войск.

За Сполето, у местечка Терни, в стороне от основного тракта, находится еще одна всеевропейская достопримечательность, которую Чаадаев не мог не посетить. Это знаменитый водопад Терни, многократно воспетый лучшими поэтами со времен античности. Разумеется, наблюдая водопад, Чаадаев видел нечто иное, чем то, что наблюдают восторженные зрители сегодня: «мраморный каскад», запускаемый на несколько часов в день, уже давно превра-

тился в популярный и прибыльный аттракцион. К счастью, в нашем распоряжении есть изображения водопада Терни времен Чаадаева. Среди лучших картин — работы итальянца Джамбаттисты Басси (1820) и француза Камиля Коро (1826).

Четвертая ночевка на пути из Флоренции в Рим была уже посреди пустынно-унылой Campagna di Roma — обычно это делалось в городке Монтероси, в 35 километрах от Вечного города. За Стортой, последней почтовой станцией перед Римом, вдали открывается величественный микельанджеловский купол собора св. Петра. Путешественники, приехавшие с севера, въезжали в «Вечный город» через мост Ponte Molle и заканчивали маршрут на Площади народа (Piazza del Popolo) — конечной станции почтовых дилижансов.

В «ВЕЧНОМ ГОРОДЕ»

Итак, рассчитывая на встречу с Николаем Тургеневым, Петр Яковлевич Чаадаев приехал в Рим в середине марта 1825 г. и поселился в «Albergo dell'Europa» на Испанской площади. 19 марта он написал брату в Россию: «Я в Риме. Слава богу, здоров»⁵⁵.

В те дни выяснилось, что в той же гостинице проживает еще один русский, ожидающий Тургенева. Это был вышедший в отставку по здоровью и теперь путешествующий по Европе (в Париже он слушал лекции по философии и истории) полковник лейб-гвардии Финляндского полка, владимирский дворянин Михаил Фотиевич Митьков (1791–1849) — тоже замечательная в своем роде личность. О военной доблести и одновременно человеческой скромности Митькова в армии ходили легенды. Еще 16-летним прапорщиком юный Митьков проявил геройство в проигранной русскими битве под Фридландом (1807), за что получил орден

---

⁵⁵ Там же. С. 52.

св. Анны III-й степени. За Бородино был награжден Золотой шпалгой «За храбрость»; со своим гвардейским батальоном прошел заграничные походы, заслужил несколько орденов, потом, уже штабс-капитаном, брал Париж...

Что касается «поведения в быту», то однополчанин Митькова (впоследствии декабрист) А.Е. Розен вспоминал, что, когда во время военных привалов другим офицерам разносили «большие корзины с завтраком», батальонный командир Митьков «каждый раз отказывался от угощения, прося извинить его по нездоровью, но действительная причина заключалась в том, что он не мог разделить эту закуску с целым батальоном своим»⁵⁶. Удивительно, добавляет в своих мемуарах Розен, но точно таким же образом Митьков повел себя, находясь под следствием в Петропавловской крепости: «Однажды спросил я у плац-адъютанта Николаева, получают ли товарищи мои табак, книги, белье от своих родственников? Он сказал мне, что получают те, у которых есть родственники и знакомые в Петербурге, что он вчера отнес узел полковнику Михаилу Фотьевичу Митькову с бельем и английским фланелевым одеялом; но когда он узнал от меня, что не все арестанты, а, напротив того, весьма немногие получают такие вещи из дому, то он снова завязал узел, просил меня возвратить его, сказав, что он может обойтись без этих вещей»⁵⁷.

Некоторые факты позволяют предположить, что Чаадаев испытывал большой пиетет перед своим новым знакомым. Ведь сам Чаадаев хотя и прошел войну с честью совсем юным офицером, но служил в элитном Семеновском полку, который командование берегло и который почти всегда находился в резерве⁵⁸. Митьков же, будучи всего на три года старше Чаадаева, был настоящим боевым офицером.

---

⁵⁶ *Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство. 1984. С. 160–161.

⁵⁷ Там же. С. 160.

⁵⁸ В самом конце войны П.Я. Чаадаев сделал попытку перевестись в Ахтырский гусарский полк, но приказ о его переводе состоялся уже после победы над Наполеоном.

В связи с этим Д.Н. Свербеев, вспоминая о настроениях Чаадаева во время заграничного вояжа, приводит интересный случай: «Он не скрывал в своих резких выходках глубочайшего презрения ко всему нашему прошедшему и настоящему и решительно отчаивался в будущем. Он обзывал Аракчеева злодеем, высших властей военных и гражданских — взяточниками, дворян — подлыми холопами, духовных — невеждами, все остальное — коснеющим и пресмыкающимся в рабстве». ⁵⁹ «Однажды, — продолжает Свербеев, — возмущенный подобными преувеличениями, я напомнил ему славу нашей Отечественной войны и победы над Наполеоном и просил пощадить русскому дворянству и нашему войску во имя его собственного в этих подвигах участия» ⁶⁰. ««Что вы мне рассказываете! — ответил тогда Чаадаев. — Все это зависело от случая, а наши герои тогда, как и гораздо прежде, прославились и награждались по прихоти, по протекции?» ⁶¹. И в качестве примера, немного задумавшись, Чаадаев привел пример... давно умершего родного отца, Я.П. Чаадаева, когда-то офицера-семеновца: «В шведскую войну, при Екатерине, оба они с Чертковым (повидимому, Д.В. Чертковым. — А.К.) были гвардейскими штаб-офицерами и за то, что во время жаркого боя прятались за скалой, получили Георгиевские кресты. Им какой-то фаворит покровительствовал, да и надобно почему-то было, чтобы гвардейские полковники воротились в Петербург с явными знаками отличия за храбрость» ⁶².

...В субботу 26 марта 1825 г. из Неаполя по Новой Аппиевой дороге почтовым дилижансом в Рим приехал Николай Тургенев. В Вечном городе он уже бывал дважды: в первый раз в ноябре-декабре 1811 г., потом в декабре 1824 – январе 1825 гг., и хорошо знал Рим. По не до конца понятным причинам он поселился в этот раз не на Испанской площади, а рядом с южной таможенной, в суще-

---

⁵⁹ *Свербеев Д.Н.* Мои записки. С. 377.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

ствующей до сих пор гостинице «Albergo Cesari»⁶³ на Via di Pietra — сюда, в апартаменты друга недалеко от Пантеона, Чаадаев и Митьков в последующие дни будут приходить неоднократно.

Чаадаева, также собиравшегося после Рима в Неаполь, очень интересовали живые наблюдения друга о южном королевстве, которое в начале 1820-х годов оказалось в центре европейской политики. Тургенев рассказал, что, приехав в Неаполь 12 января, он как раз успел к похоронам умершего неделей раньше короля Фердинанда I Бурбона. В тот же вечер он проник с толпой в Королевский дворец «для прощания», а с утра 13 января занял купленное им место на одном из балконов на Via Toledo, откуда в подробностях видел траурную процессию⁶⁴.

Покойный король, хотя и косвенным образом, сыграл свою роль в судьбе Чаадаева. Ведь конгресс «Священного союза» 1820 г. в силезском городке Троппау (куда так спешил Чаадаев с рапортом императору Александру) был в значительной мере посвящен именно революции в Неаполе, в результате которой король Фердинанд вынужден был даровать своим подданным Конституцию. Однако, вырвавшись в Европу из-под опеки «своего» парламента, он быстро переменял позицию и призвал «Священный союз» силой подавить революцию. Австрийские войска, при моральной поддержке русского правительства, оккупировали тогда Южную Италию; эти события не могли не ускорить эволюцию царя Александра в сторону охранительства и печальным образом отразились на атмосфере в России...

Начиная с «Вербного воскресенья» 27 марта, Чаадаев, Тургенев и Митьков с раннего утра отправлялись в Ватикан, где уже всю шли предпасхальные церемонии. Тургенев в тот день записал в дневнике: «С дорогими земляками поехали в Ватикан. Пробрались в капеллу Сикстину и заняли места... Папу (Льва XII. — А.К.)

---

⁶³ Эта гостиница, которую Н.И. Тургенев в своих мемуарах называет «Локанда Джачинте», была открыта в начале XIX в. синьорой Джачинте Чезари и в обиходе называлась по ее имени «Джачинте». См.: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. IV. С. 301–302.

⁶⁴ Там же. С. 239–241.

понесли на креслах. Сидя спокойно на креслах, Папа благословлял присутствующих в церкви»⁶⁵. И далее: «Чаадаев заметил то же, что и я заметил, быв в первый раз в сей капелле, то есть что *служение более относится к Папе, нежели к Богу* (курсив мой. — А.К.). Всё церемонии, а истинно величественного не видно...»⁶⁶.

Действительно, ощущение отсутствия «истинно величественного» не отпускало Николая Тургенева и во время его предыдущего пребывания в Риме. В дневниковой записи от 12 декабря 1824 г. читаем об очередном посещении Сикстинской капеллы в преддверии грядущего Рождества: «Видели ту же церемонию, что и прежде. Мне и в другой раз было уже довольно скучно видеть эти совершенно пустые церемонии!... Папе целовали ногу, которую он для этого приподнимал, — и это служение истинному Богу!»⁶⁷.

Вот и на этот раз Тургенев, а рядом с ним Чаадаев и Митьков испытали схожие впечатления, в том числе и от собственно Пасхального богослужения («папской обедни») 3 апреля 1825 г.: «В 10 часов принесли Папу. Началась обедня... По окончании обедни его вынесли в большие двери. Мы с Чаадаевым смотрели на это шествие. Оно только что картинно, но не величественно»⁶⁸.

Однако по мере «вживания в Рим» в настроениях и Тургенева, и особенно Чаадаева добавляются новые нотки. Началось с простого. Недалеко от «Albergo Cesari», где жил Тургенев, есть в Риме церковь Пресвятой Троицы (Santissima Trinita dei Pellegrini), которая с XVI в. считается одним из центров римского паломничества. Заходя туда после походов в Ватикан, Чаадаев и Тургенев поразились некоторым ритуалам, которые в пасхальном Риме соблюдались, оказывается, со всей строгостью.

Так, на «Святой неделе» простые паломники, «пеллегрини», пришедшие в Рим со всей Европы, были окружены нарочитым вниманием со стороны местного клира и даже римской аристокра-

---

⁶⁵ Там же. С. 302.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 200.

⁶⁸ Там же. С. 308–309.

тии. Тургенев записал в дневнике о первом посещении церкви Троицы: «Там здешние братья мыли ноги пришедшим пелегринам, и мыли *tout de bon* (всерьез. — *франц.*). Налив воды, стоя на коленях, братья ожидали сигнала. Позвонил колокол; все начали творить молитву *Ave Maria*, и началось умывание. Это повторялось несколько раз с различными пелегринами. В числе мывших я видел арабского архиерея. Говорят, что вчера был в числе их принц Луккский. Потом в предлинной зале кормили пелегринов... Братья им служили. В числе служивших я видел *Duc'a di Bonacossi*»⁶⁹.

«Не могу дать себе отчета в том впечатлении, которое произвело на меня все это, — отметил Тургенев. — *Тут есть что-то истинно христианское* (курсив мой. — *А.К.*)»⁷⁰. Действительно, в России обычай омовения ног нищим давно выветрился, и Чаадаев с Тургеневым, скептики по натуре, засомневались: а вдруг и здесь, в центре католического мира, всё это — простая имитация? «Что за пелегрины? — поначалу задавался вопросом Тургенев. — Зачем они таскаются по свету? Мудрено себя уверить, чтобы чувство религии одно их к тому побуждало. Особливо слыша, что четверо из них недавно ограбили кого-то на дороге»⁷¹.

Католические ритуалы «угощения нищих и страждущих», «омовения ног» и т.п., строгость и искренность их соблюдения стали, похоже, предметом споров, а потом и «*idée fixe*» для трех русских путешественников. Но одно дело — приходская церковь; совсем другое — церемония в Ватикане с участием самого папы.

30 марта, в «Святой четверг», все трое в очередной раз отправились в Ватикан: «Пробрались в залу, где делается омовение ног (*Sala Clementina* Апостольского дворца. — *А.К.*). 13 попов, представляющие всех апостолов (включая св. Павла. — *А.К.*), сидели в белых платьях и белых шапочках, готовые для церемонии. Принесли папу. После некоторых молитв он подходил к каждому из 13, умывал ноги, целовал ноги и давал каждому букет цветов... По

---

⁶⁹ Там же. С. 302.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

окончании сей церемонии мы пробрались в залу (Sala Regia Апостольского дворца. — А.К.), где Папа служил сим тринадцати пилигримам за обедом»⁷².

Уходя с утра в Ватикан, Чаадаев, Митьков и Тургенев днем возвращались на правый берег Тибра, гуляли по Монте-Пинчио (сильный дождь переждали в гостинице у Митькова или Чаадаева), потом обедали в любимой русскими трактирии «Лепре» в самом начале Via Condotti. Гуляя на вилле Боргезе, не раз видели престарелую Марию Летицию Рамолино, мать Наполеона Бонапарта, которая после падения и ссылки сына проживала в Риме в приобретенном ею Палаццо д'Асте Бонапарте на Площади Венеции, а также младшего брата Наполеона — Жерома (Иеронима) и его вторую жену Катарину Вюртембергскую⁷³.

Дневники и письма Н.И. Тургенева — это на сегодняшний день основной источник наших знаний о пребывании Чаадаева в «Вечном городе» весной 1825 г. Вот некоторые из записей: «За дождем просидели до обеда у Митькова. Чаадаев весьма говорил умно об Англии, очень забавно о французах. Перед обедом прошли немного по Monte Pincio. Повечеру ели мороженое и болтали в большом кафе» (27 марта); «Из Ватикана пошли к обеду пешком же... За обедом Чаадаев очень умно говорил о христианской религии... Что-то мрачное замечаю я в Чаадаеве» (28 марта); «После обеда в 3 часа я с Чаадаевым опять отправился в Капеллу слушать третье Miserere. Сидели очень спокойно... Поехали домой окружной дорогою... Проезжали Рим по Ponte Sisto. Тени. Ночь покоилась на берегах исторической реки...» (1 апреля) и т.д.⁷⁴.

Пасхальное богослужение 3 апреля 1825 г. произвело, конечно, впечатление на русских путешественников. Но кульминацией торжеств стала вечерняя иллюминация на площади св. Петра. Тургенев записал в дневнике: «После обеда, посидев на Monte Pincio, поехали в 5 часов на площадь (св. Петра. — А.К.). Вошли в цер-

---

⁷² Там же. С. 305.

⁷³ Там же. С. 304.

⁷⁴ Там же. С. 303, 304, 305.

ковь... Когда стало смеркаться, вышли на площадь, маленькая иллюминация уже началась. Горели фонари по карнизам церкви и колоннады. В $\frac{3}{4}$ 8-го, по удару колокола, вдруг зажглись везде большие площадки — вид единственный. В одну минуту вся эта громада, купол, церковь, колоннада, сияла. Тогда-то купол (построенный по чертежам самого Микельанджело. — *А.К.*) — эта осуществленная смелость мысли человека, представился во всей своей огромности, в настоящем своем виде»⁷⁵.

Потом Тургенев, Чаадаев и Митьков проехали в экипаже вокруг площади: «Множество карет разъезжало в различных направлениях. Я насчитал подле нас 10 рядов карет. Между ними ходили пешеходы — и всем было просторно! Вид площади был также прекрасный. Она была освещена светлее, нежели всякая зала для бала. Народ и экипажи двигались по всему ее пространству»⁷⁶.

Далее путешественники отправились на правый берег Тибра, на Monte Pincio, чтобы оттуда, сверху и на некотором расстоянии, взглянуть на иллюминированный Собор: «Тут было торжество купола. Как огромная митра, он возвышался над всем Римом. Все окружающее его было покрыто темнотой ночи. Один он возвышался, как Этна, над Римом».⁷⁷ Наши соотечественники подумали тогда о символичности этой картины для многих тысяч других «пеллегринов», стремящихся в Вечный город со всех концов света: «Сколько мыслей о новом Риме, о сем средоточии католического мира. Ватиканская базилика в огне посреди развалин и пустыни!»⁷⁸.

Из записей Тургенева следует, что в те весенние недели в «Вечном городе» они с Чаадаевым беспрестанно спорили о ситуации в России. Возвращаясь из Ватикана («луна светила; ночь была тихая, теплая»⁷⁹), они обычно заходили в гостиницу к Чаадаеву и

---

⁷⁵ Там же. С. 309.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. С. 309–310.

⁷⁹ Там же С. 305.

долго обсуждали новости о новых перестановках при императорском дворе из привезенных Чаадаевым из Флоренции газет⁸⁰.

Напротив, произведения искусства, которые Чаадаев, заодно с друзьями, исправно осматривал в Риме, волновали его ощутимо меньше. А ведь многое из того, что он, Тургенев и Митьков увидели весной 1825 г. в дворцах и галереях Рима, они уже ранее видели в покоренном ими Париже, куда Наполеон свозил итальянские шедевры в качестве трофеев. Тем более удивительно, что теперь, когда эти картины и статуи вернулись в Италию, Чаадаев проявил к ним демонстративное равнодушие — и всё это на фоне восторгов рьяных поклонников искусств Тургенева и Митькова. Более того, когда между друзьями возникали «искусствоведческие» споры (например, кто выше: Рафаэль или Доменикино?⁸¹), холодный Чаадаев предпочитал отмалчиваться.

«ТЕМА КОЛИЗЕЯ»

А еще Тургенев, Чаадаев и Митьков много катались по Риму верхом. Вот запись Тургенева от 30 марта: «Вчерашнее утро было, конечно, одним из приятнейших в моей жизни... Прочитав газеты, я встретил Чаадаева и пошел к нему. В 12 часов мы сели все трое на лошадей и поехали мимо Траяновой колонны на Форум. Смотрели на прелестные его развалины. Объехали около Колизея, отчасти под его огромными арками. — “Скифы ездили по Колизею”, — заметил Чаадаев»⁸².

Колизей — главное открытие Чаадаева в Риме. Именно ему он посвятит большой историософский пассаж, который был найден кн. Д.И. Шаховским в архиве Чаадаева и который он посчитал

---

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. С. 303.

⁸² Там же. С. 304.

правильным опубликовать в качестве «приложения» к седьмому «Философическому письму»: «В этом самом Риме, о котором столько толкуют, осматривать который все ездят и который так мало понимают, имеется удивительный памятник, о котором можно сказать, что это древнее произведение, продолжающее жить и поныне, деяние другого века, остановившееся среди течения времени: это Колизей»⁸³.

«На мой взгляд, — продолжает Чаадаев, — нет исторического явления, которое пробуждало бы столько глубоких мыслей, как вид этой развалины, которое бы лучше выявляло характерные черты двух эпох человечества и которое бы убедительнее свидетельствовало о великой аксиоме истории, что никогда не было ни настоящего прогресса, ни настоящей устойчивости в обществе до эпохи христианства. Эта арена, куда римский народ толпами приходил упиваться кровью, где весь мир язычества так верно отражался в ужасающей игре, где вся жизнь того времени развешивалась в своих живейших наслаждениях, в своих самых блестящих торжествах, — разве она действительно не возвышается здесь перед нами, чтобы показать, к чему пришел мир в такое время, когда все имеющиеся в человеческой природе силы были пущены в дело сооружения социального здания, а между тем крушение его возвещалось со всех сторон и должна была наступить новая полоса варварства? И там же впервые пролилась кровь, оросившая основание нового здания. Не стоит ли этот памятник целой книги? И удивительно, что он никогда не возбуждал исторической мысли, заключающей в себе эти великие истины!»⁸⁴.

В своих историософских заметках о Колизее Чаадаев вступил в прямую полемику с главным авторитетом на тот момент — английским историком Эдуардом Гиббоном, автором многотомной «Истории упадка и разрушения Римской империи», прочитанной Чаадаевым в английском оригинале: «Между толп путешествен-

---

⁸³ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. С. 418 (прим.).

⁸⁴ Там же.

ников, стекающих в Рим, нашелся, впрочем, один, который при взгляде на памятник с соседней и также знаменитой высоты, с которой он мог наблюдать памятник в его поразительном обрамлении (с Палатинского холма. — А.К.), по его же словам, вообразил себе, что он воочию видит, как разворачиваются перед его глазами века, объясняющие ему загадку своего движения. И что же? Этот человек заметил там только шествия триумфаторов и капуцинов..! Как будто там ничего не происходило помимо триумфов и процессий»⁸⁵. «Мелкая и жалкая идея, — заключает Чаадаев, — которая принесла нам лживое произведение, столь известное всем: настоящее поругание со стороны одного из самых великолепных человеческих гениев, какие когда-либо были!»⁸⁶.

Чаадаев, по сути, явился одним из первооткрывателей в нашей литературе плодотворной в историософском отношении «темы Колизея», которая стала отчетливо приоритетной и как-то особенно интимной в контексте русских размышлений о «Вечном городе».

Юный Иван Тургенев, с детства бредивший античностью (а потом и профессионально изучавший ее в Москве, Петербурге, Берлине) сделал именно ночной Колизей декорацией своей первой, еще полудетской поэмы «Стено» (1834)...⁸⁷.

Когда весной 1839 г. в Рим приехал историк Михаил Погодин, его приятель Николай Гоголь, на правах «римского старожила», потащил его в Колизей: «Посредине, на небольшом дерновом возвышении, стоит простой деревянный крест с изображением распятого Господа. Мы прилегли у подножия. День был прекрасный. Солнце сияло. Тишина восхитительная, упоительная. Только птички пели так приятно, так беззаботно, так весело! А как расстилается плюц по этим развалинам... кое-где мелькают весенние

---

⁸⁵ Там же. С. 418, 420.

⁸⁶ Там же. С. 420.

⁸⁷ *Кара-Мурза А.А.* Рим Ивана Тургенева (1840) // *Философские науки*. 2018. №7. С. 127–128; *Kara-Murza A.A.* Spiritual Rebirth: Ivan Turgenev's 1840 Trip to Rome // *Russian Studies in Philosophy*. 2018. Vol. 56. № 5. P. 434–443.

цветочки... Давно я не чувствовал такого наслаждения. Что за спокойствие было на сердце. Как все хорошо это: и небо, и воздух, и этот плющ, и птички, и этот смиренный крест... на месте боев гладиаторских со львами и тиграми, где лилась кровь, и сто тысяч рукоплескало победителям!»⁸⁸ Тогда, в римском Колизее, славянофил Погодин сказал «римлянину» Гоголю: «Оставайся, брат, здесь... Я понимаю, что ты мог зажитья. Твои теперешние впечатления принесут Отечеству плод сторицею»⁸⁹.

Молодой Макс Волошин, путешествовавший по Италии летом 1900 г., достигнув Рима, пошел с друзьями в Колизей (запись в дневнике: «15 июля, 12 часов ночи»), где они наперебой сочиняли шуточные «стихи-пугалки» на тему Колизея:

Спит Великан Колизей,
Смотрится месяц в окошки,
Тихо меж черных камней
Крадутся черные кошки...⁹⁰

Этих безобидных созданий юный ироничный поэт, полностью в чаадаевской традиции, назвал «потомками пантер»,

...скушавших столько народу
Всем христианам в пример,
Черни голодной в угоду...⁹¹

А когда перед первой мировой войной русский литератор Михаил Осоргин водил экскурсии по Риму для групп русских земских учителей, кульминацией программы было посещение ночного Колизея, где русские «скифы», пользуясь определением Чаадаева, дикими голосами хором распевали «Вниз по матушке по Волге»...⁹²

---

⁸⁸ Погодин М.П. Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник. М., тип. Н. Степанова, 1844, часть II. С. 10.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ См.: Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Риме. М., изд-во О. Морозовой, 2014. С. 265.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 322.

ВСТРЕЧИ С РУССКИМИ ХУДОЖНИКАМИ

В дневнике Н.И. Тургенева отмечено, что в понедельник 4 апреля 1825 г., они с Чаадаевым, обедая в трактирии «Лепре», разговаривали с группой русских художников — Сильвестром Щедриным, Федором Бруни и Семеном Гальбергом, у которых в ресторане был собственный «русский стол»⁹³. По-видимому, именно тогда Тургенев, хорошо знавший наших стажеров по своему предыдущему пребыванию в Риме, договорился, что на завтра они вместе с Чаадаевым посетят их мастерские.

Первой Чаадаев с Тургеневым пришли в мастерскую Ф.А. Бруни (1799–1875) на Via Margutta, 5. Федор (тогда еще Фиделио) Бруни приехал в Рим на скромные средства отца-художника и пользовался покровительством давно живущей в Италии княгини Зинаиды Волконской. К двадцати четырем годам Бруни уже успел получить известность в Риме: его картина «Смерть Камиллы, сестры Горация» (1824) была отобрана для показа в Капитолийской галерее⁹⁴.

В мастерской молодого художника Чаадаев с Тургеневым посмотрели только что оконченную в Риме «Святую Цецилию» — картину, изображающую деву-мученицу III-го века н.э., которая в католической культуре стала покровительницей церковной музыки. Показал Бруни и свою любимую картину — «Портрет княгини

---

⁹³ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. IV. С. 310.

⁹⁴ Привезенная через десять лет в Россию, «Смерть Камиллы» принесет Бруни звание академика живописи.

З.А. Волконской», на которой Волконская, талантливая певица контральто, изображена в костюме Танкреда из одноименной оперы Джоакино Россини по мотивам трагедии Вольтера, поставленной в начале 1820-х гг. в частном римском театре княгини.

Затем Чаадаев с Тургеневым вошли по Испанской лестнице, прошли к Piazza Barberini, откуда поднялись к монастырю Sant Isidoro, напротив которого на одноименной улице жили пенсионеры Императорской Академии художеств пейзажист Сильвестр Феодосьевич Щедрин (1791–1830) и скульптор Самуил Иванович Гальберг (1787–1839)⁹⁵.

В мастерской Щедрина посмотрели недавно законченные виды «Вечного города» из серии «Новый Рим» — с замком св. Ангела на переднем и базиликой св. Петра на заднем плане⁹⁶.

Но самое любопытное ждало Чаадаева с Тургеневым в мастерской скульптора Гальберга. Там они, во-первых, увидели гипсовую модель будущего шедевра, украшающего сегодня зал Третьяковской галереи, — мраморной скульптуры «Начало музыки. Фавн, прислушивающийся к звуку ветра в тростнике». Замысел этой, возможно лучшей, работы 38-летнего Гальберга была навеяна ему известным стихом римского поэта-философа Лукреция из его трактата «О природе вещей»: «Свист же Зефира в пустых стеблях камышовых впервые дуть научил поселян в пустые тростинки цевницы...».

Но, конечно, еще больше должны были поразить Чаадаева гипсовые модели будущей скульптуры «Граф Остерман-Толстой в бою под Кульмом», заказанной Гальбергу самим А.И. Остерманом-Толстым в бытность его в Риме⁹⁷.

История эта была прекрасно известна Чаадаеву, который считал битву под Кульмом 17 августа 1813 г. вершиной собственной

---

⁹⁵ В 1837 г. в этом же доме, только в соседнем подъезде, поселится Н.В. Гоголь.

⁹⁶ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. IV. С. 310.

⁹⁷ Граф А.И. Остерман-Толстой, будучи любимцем царя Александра I, не поладил с новым императором Николаем I и большую часть времени проводил в Италии.

военной биографии — он тогда сам был награжден прусским «Кульмским крестом»⁹⁸.

Граф Остерман-Толстой командовал в том бою 1-й Гвардейской пехотной дивизией в составе Измайловского, Егерского и находившихся до поры в резерве лейб-гвардии полков Преображенского и Семеновского, в котором служил Чаадаев. Критическая обстановка (прорыв французского корпуса генерала Вандама) потребовала тогда задействовать все резервы, и молодой прапорщик впервые в жизни, по сути, оказался в настоящем сражении. Он, конечно же, великолепно знал о кульмском подвиге своего боевого командира. Остерман-Толстой получил тогда тяжелое осколочное ранение левой руки. Руку пришлось ампутировать почти по плечо прямо на поле боя: хирургическим столом послужил походный барабан. Без единого стога, граф мужественно выдержал мучительную процедуру, приказав солдатам петь хором русскую песню. Согласно легенде, в ответ на сочувственные возгласы обступивших его подчиненных, Остерман-Толстой произнес тогда: «Быть раненому за Отечество весьма приятно, а что касается левой руки, то у меня остается правая, которая мне нужна для крестного знамения, знака веры в Бога, на коего полагаю всю мою надежду...».

В своем дневнике адъютант Остермана-Толстого, Иван Лажечников, записал вскоре после кульмского сражения: «Гордись, Россия! Дух сынов твоих победил величие Греции и Рима. Ты не имеешь более нужды, в пример питомцам твоим, указывать на родину Леонидов и Сципионов: ты перенесла её с сими Героями на священную твою землю. Потомство твое, при новых непомерных подвигах мужества, не будет более говорить: они сражались и умирали, как спартанцы при Фермопилах. Нет! Сыны и внуки на-

---

⁹⁸ За битву при Кульме прапорщик Петр Чаадаев был награжден еще и орденом Св. Анны III-й степени, но «Кульмский крест» был ему особенно дорог: он часто носил его на левой стороне груди, будучи в партикулярном платье. А.И. Герцен так и запомнил его: «Ротмистр с железным кульмским крестом на груди...».

ши скажут тогда: они сражались и побеждали, как русские под Кульмом»⁹⁹.

С выполненных С.И. Гальбергом в начале 1820-х гг. в Риме гипсовых моделей, были позднее сделаны мраморные копии и бронзовые отливки. Одна стояла в подмосковном имении Остермана-Толстого Ильинском (в качестве паркового украшения), другая — в его петербургском доме на Английской набережной. Д.И. Завалишин, будущий декабрист, был нередким гостем в доме Остермана-Толстого и видел в одной из комнат скульптуру Гальберга, по его утверждению, «надгробный памятник Остерману, самим им себе заготовленный... Он изображен лежащим, опираясь рукою на барабан, как и происходило это при операции; возле лежала оторванная рука, и в барабан были вделаны часы, на которых стрелки означали время получения тяжелой раны, и была надпись латинская: *Vidit horam; nescit horam!* («видит час, но не знает час». — *лат.*)»¹⁰⁰.

...Познакомился Чаадаев в Риме и с еще одним русским художником, Петром Васильевичем Басиным (1793–1877). Произошло это, согласно записям Тургенева, во вторник, 12 апреля 1825 г., когда Чаадаев, Тургенев и Митьков осматривали знаменитые фрески Рафаэля в Ватиканском дворце. В Станцах д'Элиодоро они нашли Басина, который в те месяцы ежедневно приходил в Ватикан, где копировал две фрески Рафаэля: «Изведение Петра», рассказывающую о чудесном освобождении апостола Петра из темницы, и «Месса в Больсене», изображающая чудо, которое произошло в 1263 г., когда во время богослужения евхаристический хлеб (хостия) в руках у неверующего священника обогрился кровью. Согласно записям Тургенева, Басин долго и подробно рассказал трем русским путешественникам о художественном методе Рафаэля и секретах различных красок¹⁰¹. Облик молодого живо-

⁹⁹ Лажечников И.И. Походные записки русского офицера 1812, 1813, 1814 и 1815 годов. М., 1820. С. 208–209.

¹⁰⁰ Завалишин Д.И. Воспоминание о графе А.И. Остермане-Толстом // Исторический вестник. СПб., 1880, № 5. С. 95.

¹⁰¹ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. IV. С. 315.

писца Басина хорошо передан его другом О.А. Кипренским в портрете, написанном примерно в интересующее нас время.

...С русским художником Сильвестром Щедриным связана для П.Я. Чаадаева еще одна любопытная римская история. Благодаря счастливому стечению обстоятельств, мы опять можем назвать точное время и место случившегося события.

Уже уехав из Рима в Неаполь, Сильвестр Щедрин написал оттуда в Петербург брату Александру: «Слышал ли ты когда-нибудь о бичевании (*Dissciplina*), так она называется у римских католиков? Проживши около семи лет в Италии, я никогда не имел любопытства туда войти, тем более, что римляне мне сказывали, что там иногда поколачивают любопытствующих. Н.И. Тургенев, встретившись со мною, предложил туда пойти, с страхом я вошел, и мы сели в сторонке»¹⁰².

«В Оратории *Cara Vita*, принадлежащей иезуитам, — продолжает Сильвестр Щедрин, — собираются богомольцы один раз в неделю, в *Ave Maria*, то есть по закате солнца; вся Оратория освещена небольшим светом от престола. Священник читает ектеньи, народ поет гимны богородицы, и это продолжается довольно долго, так что мы думали, этим и кончится; дьячок, подошедши к дверям, постучал, это обыкновенный знак, что церковь хотят запирать, на сей стук я оглянулся и увидел кучу веревок с узлами, висевших у него на руке, почему некоторые вышли; между тем как я от страха колебался, не зная, на что решиться, как двери заперли на ключ, погасили свечи, глубокое молчание царствовало с минутой»¹⁰³.

«Наконец, священник, — заканчивает свой рассказ Щедрин, — сказавши небольшую речь, воскликнул *viva Maria* (славься, Мария. — *итал.*), за ним народ повторил то же, и пошла хлопотня, ты сам себе можешь представить мое положение, я закрыл голову полою моего сертука, ожидая ударов ежеминутно; между тем на-

---

¹⁰² Итальянские письма и донесения Сильвестра Феодосьевича Щедрина. С. 265.

¹⁰³ Там же.

чалось пение, сопровождаемое всегда бичеванием, наконец, церковь осветили, и все было в порядке, выключая моей внутренности, которая еще продолжала трястись. Вышедши оттуда, я рассуждал, что все надо видеть собственными глазами, ибо г. путешественники делают все эти описания ложны, или как бы сказать, непременно хотят обратить все в дурную сторону, на меня это не сделало никакого дурного впечатления, всякий вправе чувствовать и молиться по своему образу мыслей, лишь бы не было вреда другому, к тому ж нет к оному никакого принуждения»¹⁰⁴.

Удивительно, но описание той же самой истории (редкая удача!), связанной с обрядом «флагелляции» (от лат. *flagellum* — плеть, бич) и произошедшей в Oratorio del Caravita (построенной в XVII в. во имя св. Франциска Ксаверия — католического миссионера, одного из основателей Ордена иезуитов), мы находим в римском дневнике Николая Тургенева. Оказывается, в интересующих нас событиях (которые Щедрин, как выясняется, изрядно драматизировал) принял участие еще один персонаж — Петр Чаадаев!

«Пообедав наскоро, — пишет в дневнике Тургенев о событиях субботы 9 апреля 1825 г., — пошли в церковь Caravita. Сначала пели. Потом потушили свечи. Поп сказал несколько слов к слушателям о страданиях, кажется, Богоматери. Потом закричал *Evviva Maria* и началось хлестанье! Мы сидели в углу. Подле нас было 2 попа, которые однако же, не хлестались. Хлестанье, начавшееся в молчаньи, продолжалось и кончилось с молитвами. По окончании зажгли опять свечи, пели; было благословение сакраментом. Две группы вышли из церкви и с пением пошли по улице к образам Мадонны. Люди, кажется, всякого состояния тут были. За мороженым мы рассуждали о сей *pratique religieuse* (религиозной практике. — *А.К.*). Чаадаев (*sic!*) весьма умно толковал, что все, даже и незначительные, *pratiques religieuses* полезны как напоминание...»¹⁰⁵.

---

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. IV. С. 313.

ПРОЩАНИЕ С «ВЕЧНЫМ ГОРОДОМ»

Поразительно, но на фоне подробных дневниковых записей Николая Тургенева о католических церемониях, которые они ежедневно наблюдали в Риме вместе с Чаадаевым, в его дневнике *нет практически ничего*, что имело бы отношение к Православной Пасхе, которая в 1825 г. отмечалась через неделю после католической — 10 апреля.

Это тем более удивительно, что в свое время, когда Николай Тургенев учился в Геттингенском университете, он каждый год с трепетом ожидал наступления русской Пасхи. Вот что он, например, записал в своем дневнике вечером «Великой субботы» 13 апреля 1811 г. (в тот год Пасха в Европе и России отмечалась в один день), в предвкушении Чуда, за пятнадцать минут до полуночи: «Радостно бьется теперь сердце у 40 миллионов Русских. Россия через четверть часа — в радости истинной, чистейшей»¹⁰⁶. «Если когда-либо Зиждитель мира мог радоваться своим творениям, — продолжает восторженный Тургенев, — то это, конечно, в первый день светлого праздника, смотря на Русскую землю... Где найдешь тебе подобного, великодушный, храбрый, величавый, одним словом, Русский Народ!... Радуйся, благословенный народ, лучшее произведение Руки Творческой! Радуйся и чувствуй свою радость, свое существование!»¹⁰⁷.

---

¹⁰⁶ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 г. Т. 1, СПб., тип. Императорской АН, 1911. С. 297.

¹⁰⁷ Там же.

А в конце этой записи «геттингенского юноши», уже почти три года проучившегося в немецкой земле, — предельно «славянофильский» пассаж, поразительный для будущего лидера русского либерального западничества: «И между тем, как сорок миллионов моих соотечественников находятся теперь в очаровательном волнении, я, отгороженный от отчизны, между презренными иноплеменниками, осужден только чувствовать свое несчастье — но нет: и я буду радоваться при одной мысли, что Русской народ теперь радуется. Сердце Русское бьется и под другим небом при воспоминаниях о веселящихся миллионах своих единоземцев. Презрение к бесчувственным сердцам Немецким! нет для них радости: Рок судил им быть Немцами... Чем более возвышаюсь я к духу Русского народа, чем более чувствую достоинство, тем более невольно чувствую презрение к тем, с коими протрадал уже почти 3 года»¹⁰⁸.

Между тем, несмотря на все ограничения, налагаемые в папском Риме на все иные, кроме католицизма, конфессии, православная церковь в интересующее нас время (весна 1825 г.) в Риме была. Еще в 1803 г., указом императора Александра I, при русской миссии при папском престоле учреждался греко-русский православный приход. Правда, создание собственно церкви, в связи со сложной геополитической обстановкой в Европе, постоянно откладывалось, и православный храм в Риме во имя св. Николая Мирликийского был освящен лишь в 1823 г. Он первоначально располагался в доме русского посольства в Palazzo Rondinini по адресу: Via del Corso, 518¹⁰⁹.

Единственное «мероприятие» в весеннем Риме 1825 г., которое, по-видимому, можно отнести к разряду «православно-

---

¹⁰⁸ Там же. С. 297–298.

¹⁰⁹ Позднее, православная церковь, интерьер которой был создан по проекту К.А. Тона, «кочевала» вслед за русским посольством: Palazzo Chigi-Odescalchi (1828–1836), Palazzo Pamphili (1836–1845), Palazzo Giustiniani (1845–1901) и т.д. Православные богослужения в домовых храмах нашего посольства в Риме многократно описаны русскими путешественниками.

пасхальных» и в котором приняли участие Тургенев и Чаадаев, был обед во вторник 5 апреля у русского посланника Андрея Яковлевича Италинского в нашем посольстве в Palazzo Rondinini. Тургенев сделал в дневнике короткую отметку: «Обедали у посланника. Гостей было за столом человек 60. В огромной галерее с славными фресками был накрыт широкий, длинный стол, пышно убранный. Много было русских. Стол был хорош. Я болтал с Чаадаевым, с которым всегда мне быть весьма приятно. Я могу ездить на эти обеды только из любопытства, ибо в прочем мне они очень трудны»¹¹⁰.

...12 апреля, за два дня до своего отъезда из Рима, Николай Тургенев записал в дневнике: «Теперешнее мое пребывание в Риме будет для меня особенно памятно. Я прожил здесь с лишком две недели, ездя, ходя с таким человеком, каков Чаадаев, по развалинам Рима. Кроме приязни давнишней, общество его для меня весьма дорого и по его умному разговору, по вниманию, которое он обращает на все предметы физические и нравственные»¹¹¹.

Этот день они провели так: «Почитав газеты, пошли все трое в Ватикан... Оттуда пешком же прошли на Monte Citorio и, выпив по чашке шоколада, поехали на Виллу Боргезе. Там расположились в тени на траве и болтали, спорили о России... Потом приехали к обеду. И тут толковали о религии и проч. Потом в Café и, наконец, на Corso, разговаривая с Чаадаевым, мы согласились, что мы жизнь нашу *verfangt* (запутали. — *нем.*) и сами никуда не годимся»¹¹².

---

¹¹⁰ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. IV. С. 311.

¹¹¹ Там же. С. 315. О днях, проведенных в Риме весной 1825 г., Николай Тургенев рассказал в письме брату Сергею от 13 апреля: «Часто мне казалось весьма странным, что случай привел меня в Рим вместе с Чаадаевым. Я его всегда любил и уважал, но теперь более чем когда-либо умею ценить его. В продолжении всего путешествия голова его весьма хорошо образовалась. Размышления и болезнь (и он терпит от желудка) сделали, однако же, его несколько мрачным...» (Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.–Л., изд-во АН СССР, 1936. С. 458).

¹¹² Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. IV. С. 315–316.

А вот и последний вечер Тургенева в Риме, 13 апреля: «Уклавшись, пошел на улицу. Мне было очень, очень грустно. Оставляю Рим весьма неохотно, потому что оставляю Чаадаева, с которым мне так было хорошо!.. С ним и Митьковым обедал, и повечеру сидел на лестнице Piazza di Spagna. Все толкуем и рассуждаем. С Чаадаевым тем хорошо, что он и сам рассуждает, и меня заставляет рассуждать... Дилижанс едет в час пополудни...»¹¹³.

Авторы примечаний ко второму тому «Полного собрания сочинений и избранных писем» Чаадаева, конечно, ошибаются, когда пишут (в комментарии к флорентийскому письму Чаадаева к Николаю Тургеневу от 6 февраля 1825 г.): «Чаадаев и Н.И. Тургенев съехались в Риме и прожили там *около двух месяцев* (курсив мой. — А.К.)»¹¹⁴. Причиной ошибки является неверная трактовка фрагмента из письма самого Чаадаева к брату Михаилу от 25 мая 1825 г. о пребывании в Риме: «Я провел там два приятных месяца, отгадай с кем? с старым и добрым своим приятелем Ник. Тургеневым»¹¹⁵. Дневник самого Николая Тургенева однозначно свидетельствует, что он на этот раз прожил в Риме без малого *три недели*: приехал в Рим в субботу 26 марта и уехал в четверг 14 апреля 1825 г. Что касается Чаадаева, то он действительно прожил в Риме два месяца: приехав в Вечный город на неделю раньше Тургенева, он покинул его спустя примерно месяц после отъезда друга.

И причиной очередной задержки было отсутствие денег на путешествие. Об этом мы узнаём из более позднего письма Чаадаева брату из Карлсбада: «Деньгами не нуждаюсь... Когда могу — занимаю, когда же не могу — живу на месте, вот вся беда; а иногда не только что не беда, но и счастье, например, в Риме я прожил по этой причине лишний месяц, и это точно пресчастливый случай...»¹¹⁶

---

¹¹³ Там же. С. 316.

¹¹⁴ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. С. 301.

¹¹⁵ Там же. С. 54.

¹¹⁶ Там же. С. 54–55.

ПОСЛЕ РИМА

После Рима Чаадаев поехал не на юг, в Неаполь, как планировал, а снова во Флоренцию. 25 мая 1825 г. он писал оттуда брату: «Собирался я в Неаполь, потому не отвечал тебе, хотел оттуда отвечать; вместо Неаполя очутился я во Флоренции, по какому именно случаю, долго тебе сказывать, но главное ветер, называемый *сирокко*, про который ты, вероятно, слышал, но того, конечно, об нем не знаешь, что для сложений, подобных моему, он убийственная вещь, — в Риме испытал я его действие, бегу от него на север»¹¹⁷.

Из того же письма следует, что в столице Тосканы Чаадаев был на этот раз две недели, примерно с 13 по 27 мая (похоже, он задержался там, чтобы вновь насладиться богатствами «читальни Вьёссё» в Палаццо Буондельмонти), а после этого отправился в Венецию.

Маршрут путешественника средней руки из Флоренции в Венецию занимал во времена Чаадаева четыре полных дня и был настолько «отработан», что мы смело можем назвать все основные вехи этого пути. Путь проходил через Апеннины на Болонью, потом на Феррару, где папские владения кончались. На берегу реки По путешественники пересаживались в почтовую гондолу, на борту которой достигали устья По, выходили в Адриатику и, минуя Кьоджу, по Венецианской лагуне приплывали в «город на воде».

В карлсбадском письме Чаадаева брату от 28 августа 1825 г. есть очень странный фрагмент о его пребывании в Венеции:

---

¹¹⁷ Там же. С. 53.

«Я был там (в Венеции. — *А.К.*) в самое то время, в которое в старину бывал там карнавал, а выехал в самый день, в который Дождь бывало пирует свою свадьбу с морем...»¹¹⁸

Б.Н. Тарасов, автор интересной биографии Чаадаева, попытался объяснить поведение Чаадаева: «Во Флоренции он задержался на две недели и лишь затем продолжил свой путь в Венецию, резкое своеобразие которой должно было остановить на себе его внимание... В свое время он специально задержался в Лондоне, чтобы посмотреть праздник Лорда Мэра. А сейчас без сожаления покидает город в день не менее интересного торжества, когда венецианский Дождь “пирует свою свадьбу с морем”. Рим, “единственный Рим”, вытеснил все мыслимые и немыслимые итальянские впечатления»¹¹⁹.

Увы, авторитетный исследователь в данном случае пошел по ложному пути. В 1825 г., когда Чаадаев был в Венеции, там, конечно, не было и не могло быть никакого праздника «свадьбы дождя с морем». По очень простой причине: последний дождь Венеции был низложен Наполеоном еще в 1797 г.! А потом французские солдаты разграбили и сожгли знаменитый «Бученторо» — украшенный золотом корабль Дождя, на борту которого во времена Республики, собственно, и проходил обряд «обручения с морем». Биограф, к сожалению, просмотрел в чаадаевском письме брату ключевое слово: «*бывало*» (т.е. «бывало в прошлом»).

Странность «венецианского фрагмента» путешествия Чаадаева, на наш взгляд, состоит еще и в другом. Из писем Чаадаева можно высчитать, что приехал он в Венецию в последних числах мая или первых числах июня и пробыл там очень недолго. А потому фраза: «выехал в самый день, в который Дождь бывало пирует... и т.д.» — это мистификация, и не столько по причине отсутствия тогда самого праздника, сколько потому, что ритуал «обручения дождя с морем» всегда совершался в свободной еще Венеции в праздник Вознесения — т.е. на 40-й день после Пасхи. В 1825-м

---

¹¹⁸ Там же. С. 55.

¹¹⁹ *Тарасов Б.Н.* Чаадаев. С. 123.

году это был четверг 12 мая, когда Чаадаев был еще на пути из Рима во Флоренцию.

Но и на этом «странности» карлсбадского письма Чаадаева о его пребывании в Венеции не заканчиваются. Слова: «я был там в самое то время, в которое в старину бывал там карнавал...» — тоже мистификация. Венецианский карнавал, запрещенный Наполеоном, а потом и австрийцами, традиционно праздновался, как и всякая масленица, в *феврале*. Последний день карнавала, его кульминация — Жирный Вторник; за ним следует сорокадневный пост перед Пасхой.

Закономерен вопрос: зачем понадобились Чаадаеву все эти «венецианские сказки»? Похоже, прав М.О. Гершензон, обративший внимание на общие особенности писем Чаадаева к тетке и брату из-за границы: «Он знает, что и они живут в непрерывной тревоге за него, главное — за его здоровье, и потому старается в письмах казаться бодрым и даже веселым. Поэтому его письма представляют собою своего рода *систематический обман* (курсив мой. — А.К.), — очень обычный спутник пугливо-нежной семейственности. Разумеется, этот обман не всегда удается скрыть»¹²⁰. «Венецианские сказки» Чаадаева — характерный тому пример.

Но и это, я думаю, не самое главное. Ключевое слово в письме Чаадаева о Венеции — ностальгическое «*бывало*». Русский путешественник не мог не сочувствовать свободной Республике Дожей, задавленной сначала Наполеоном, а теперь и Австрийской империей, цинично подчинившей Венецию еще и своему миланскому вице-королю из Габсбургов. Во времена Чаадаева даже патриарх оккупированной Венеции назначался австрийским императором, и, по совместительству, ломбардо-венецианским королем. В 1825 г. первоиерархом Венеции был назначенный Францем I венгр по национальности Иоганн Ладислаус (Янош Ласло) Пиркер.

Уверен, что Чаадаев, приехав в Венецию, только и слышал вокруг: «А *бывало*, здесь в мае был грандиозный праздник обруче-

---

¹²⁰ Гершензон М.О. П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление // Гершензон М.О. Избранные труды. Часть 2 (ред. Л.Г. Березовая). М., РОССПЭН. С. 213.

ния дожа с морем! Но дожа свергли, а его корабль — сожгли... А какой карнавал здесь раньше был на масленицу!...».

...Судя по письмам, Чаадаев довольно скоро оказался потом в Карлсбаде. Это означает, что в июне 1825 г. он практически без остановок проследовал из Венеции обычным для путешественников того времени маршрутом: выехал из Венеции почтовой гондолой до Фузино; потом ехал почтовой каретой через Падую, Верону¹²¹, Триэнт (Тренто)¹²². Далее его путь лежал через альпийский перевал Бреннер — в австрийский Инсбрук. Кстати, менее чем за год до этого, в сентябре 1824 г., этот же путь — только в обратном направлении — проделал, направляясь из Центральной Европы в Италию, Николай Тургенев.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

Первым из трех друзей, вместе гулявших по весеннему Риму, в Россию вернулся Михаил Митьков — осенью 1825-го к этому еще не было никаких препятствий. Его дальнейшая судьба сложилась драматически. Переполненный европейскими впечатлениями, немного окрепший Митьков не смог усидеть во владимирском имении, наслаждаясь привезенными из Европы книгами по философии и истории, и снова окунулся в круговорот политической жизни, став одним из лидеров московских «заговорщиков».

---

¹²¹ Очень вероятно, что в Вероне Чаадаев посмотрел, в числе главных достопримечательностей, и Palazzo Canossa, в котором в ноябре–декабре 1822 г. жил участвовавший в Веронском конгрессе «Священного союза» император Александр I, к которому у Чаадаева всегда было очень личностное отношение.

¹²² Главной достопримечательностью итальянского городка Тренто является церковь Santa Maria Maggiore, где в 1545–1563 гг. проходили заседания Тридентского собора — вселенского собора католической церкви, решения которого стали программой Контрреформации.

После декабрьского восстания на Сенатской площади он был арестован в Москве, доставлен в Санкт-Петербург на Главную гауптвахту в Зимнем дворце. На допросе Митьков показал, что «свободный образ мыслей заимствовал из чтения книг и от общества Николая Тургенева, который наиболее способствовал внушению сих мыслей»¹²³. Он был уверен, что Тургенев, будучи одним из лидеров «декабризма», не станет возвращаться в Россию.

В январе 1826 г. Митькова перевели в Петропавловскую крепость; в июле Верховный уголовный суд приговорил его к «политической смерти по 2-му разряду», позднее замененной царем Николаем 20-летней каторгой. Митьков прошел все «круги ада»: Свеаборгскую, Свартгольмскую, Кексгольмскую крепости, потом Читинский острог и каторжную тюрьму в Петровском заводе. Переведенный на поселение, жил в Иркутске, потом в Красноярске, где и скончался в 1849 г.¹²⁴

Николай Тургенев, будучи одним из главных идейных вдохновителей декабризма¹²⁵, действительно, отказался тогда возвращаться в Россию. В объяснительной записке, которую он направил в Санкт-Петербург из Англии в апреле 1826 г., есть строки, которые относятся к Митькову: «Я никого не вводил в Общество, кроме одного человека, который, впрочем, прежде слышал уже о сем Обществе. Я ему сообщил то, что знал и что думал... С этим чело-

---

¹²³ Восстание декабристов: Материалы. М.-Л., 1927. Т. 3. С. 192.

¹²⁴ Декабрист А.П. Беляев оставил воспоминания о жизни ссыльного Митькова в Красноярске: «Михаил Фотич Митьков, прекраснейший и в то же время очень оригинальный человек, жил совершенным философом. Он имел хорошенькую небольшую квартиру, которая содержалась в самой педантической чистоте, меблированная с большим вкусом и комфортом. Тут буквально нельзя было найти пылинки. У него была большая библиотека. Чтение было его страстью...» (*Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. СПб., изд-во А.С. Суворина, 1882. С. 339).

¹²⁵ См.: *Парсамов В.С.* Николай Иванович Тургенев: «Нельзя произнести слово человек, чтобы не иметь вместе с сим понятия о свободе» // *Российский либерализм: идеи и люди* (ред. А.А. Кара-Мурза). Т. 1. XVIII–XIX вв. М., Новое издательство, 2018. С. 166–178.

веком впоследствии я часто виделся, даже жилал вместе, но во все время едва ли однажды мы говорили об Обществе»¹²⁶. Николай Тургенев посетит Россию только глубоким стариком, после амнистии, объявленной Александром II. Скончается в своем поместье во Франции в 1871 г.

Петр Чаадаев, как мы знаем, был задержан по возвращении на русской границе. Совершенно очевидно, что именно его смелость и мужество обезоружили молодого императора Николая I, видимо, посчитавшего сам факт возвращения признаком лояльности (за четверть века до этого так же повела себя Екатерина II в отношении молодого Карамзина)¹²⁷.

Поэт русского Серебряного века, знаток Италии и творчества Чаадаева, Осип Мандельштам написал в одном из эссе о том мощном духовном импульсе, который путешествие в Европу задало последующему философскому творчеству Чаадаева: «В младенческой стране, стране полуживой материи и полумертвого духа, седая антиномия косной глыбы и организующей идеи была почти неизвестна. Россия, в глазах Чаадаева, принадлежала еще вся целиком к неорганизованному миру. Он сам был плоть от плоти этой России и посмотрел на себя как на сырой материал. Результаты получились удивительные. Идея организовала его личность, не только ум, дала этой личности строй, архитектуру, подчинила ее себе всю без остатка и, в награду за абсолютное подчинение, подарила ей абсолютную свободу. Глубокая гармония, почти слияние нравственного и умственного элемента придают личности Чаадаева особую устойчивость. Трудно сказать, где кончается умственная и где начинается нравственная личность Чаадаева, до такой степени они близятся к

---

¹²⁶ Цит. по: *Дубровин Н.Ф.* Василий Андреевич Жуковский и его отношение к декабристам // *Русская старина*, 1902, № 4. С. 54.

¹²⁷ См.: *Кара-Мурза А.А.* Швейцарские странствия Николая Карамзина. С. 71–72; *Кара-Мурза А.А.* Философские дилеммы «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина // *Философские науки*, 2016, № 11. С. 59–68; *Kara-Murza A.A.* Traveler or Fugitive? A New Reading of Nikolai Karamzin's Letters of a Russian Traveler // *Russian Studies in Philosophy*. 2017. Vol. 55. № 6. С. 410–421.

полному слиянию. Сильнейшая потребность ума была для него в то же время и величайшей нравственной необходимостью»¹²⁸.

Согласно Мандельштаму, огромное значение имел сам факт возвращения Чаадаева в Россию в переломный для нее момент истории: «Когда Борис Годунов, предвосхищая мысль Петра, отправил за границу русских молодых людей, ни один из них не вернулся. Они не вернулись по той простой причине, что нет пути обратно от бытия к небытию, что в душной Москве задохнулись бы вкусившие бессмертной весны неумирающего Рима. Но ведь и первые голуби не вернулись обратно в ковчег. Чаадаев был первым русским, в самом деле идейно побывавшим на Западе и нашедшим дорогу обратно. Современники это инстинктивно чувствовали и страшно ценили присутствие среди них Чаадаева. На него могли показывать с суеверным уважением, как некогда на Данта: “Этот был там, он видел — и вернулся”...»¹²⁹.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Феномен Чаадаева вот уже более двух столетий будоражит умы тех, кто всерьез задумывается об исторических судьбах России. С годами русские интеллектуалы, наряду с пополнившимся знанием о жизни Чаадаева, обрели еще одну возможность — свободно и много путешествовать и, соответственно, лично пережить опыт общения с реальной Европой, в том числе с так увлекшим Чаадаева католическим миром.

Весной 1839 г., незадолго до Пасхи, в Рим приехал один из лидеров русского славянофильства, профессор истории Московского университета Михаил Погодин. Осмотрев «римские древности» под водительством Гоголя, он вынужден был признать: «Как воспроиз-

---

¹²⁸ Мандельштам О. Петр Чаадаев // П.Я. Чаадаев: Pro et Contra (ред. А.А. Ермичев, А.А. Златопольская). СПб., 1998. С. 406.

¹²⁹ Там же.

водится древняя жизнь в воображении, когда смотреть на все сии развалины. В наше время нельзя быть ни профессором археологии, ни профессором истории без путешествия. Я вообразить себе не могу, что я говорил о Риме, по книгам, не выдав его памятников»¹³⁰. А потом занес в дневник нетривиальную мысль о вожде антипапской Реформации Мартине Лютере: «В нем, кажется, ни на грош не было эстетического образования, и потому он видел в Риме только развратных капуцинов, против которых и вооружился»¹³¹.

В те дни у Погодина состоялся в Риме еще один разговор, абсолютно в чаадаевском духе. Тем более что оба участника той беседы были москвичами и прекрасно помнили наделавшую шум историю с публикацией в «Телескопе» в 1836 г. «Первого философического письма». Погодин нанес в те дни визит вежливости московскому генерал-губернатору князю Д.В. Голицыну, находившемуся в те дни в «Вечном городе». Погодин и Голицын поговорили «о Риме, о духовном единстве, о политических единствах, о гордости Папы» и согласились в том, что «Папа хотя и христианин, а все-таки древний римлянин...»¹³².

В апреле 1901 г. аналогичный опыт получил один из самых известных оппонентов Чаадаева в отечественной культуре — философ и литератор Василий Розанов, также побывавший на Страстной неделе в Риме. Обладавший культурной интуицией и несомненным литературным талантом, Розанов оставил очерки о торжественной службе в Соборе св. Петра в «Великую пятницу» (21 апреля), а потом и на католическую Пасху (23 апреля). Эти церемонии, которые вел видный католический теолог и политик, Государственный секретарь Святого престола кардинал Мариано Рамполла, произвели большое впечатление на Розанова, дважды проведенного по несколько часов в окружении истинных католиков. И он, скорее всего, не отдавая себе в том отчета, написал по следам своего пребывания в пасхальном Риме абсолютно «чаадаевские» тексты!

---

¹³⁰ *Погодин М.П.* Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник. М., Типография Н. Степанова, 1844, часть II. С. 12.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же. С. 15.

Читаем у Розанова: «Насколько в современном итальянце много выродившегося, размягченного, нежного, настолько в... фигурах, передо мной сидевших, было много богатства крови и сил»; «католицизм вобрал в себя все талантливое из расы и оставил в политике, торговле, литературе объедки своего вкусного завтрака»; «сила — вот отличие, вот сущность Рима»; «там есть бесконечная дисциплина. Но это дисциплина не мертвая, а живая»¹³³ ... и т.п.

Сам, по-видимому, удивившись своей обнаружившейся любви к Риму, Розанов отнес ее на счет своего *эстетического* чувства и *православного* отношения к миру: «Буду рассказывать с любовью, понеже православному подобает все любить. Прежде всего — бездна вкуса разлита во всем. Это вы замечаете, едва из прозаической и безвкусной Австрии, с ее пирожками, немцами, кофе и сливками, спускаетесь в Италию...»¹³⁴.

Удивительно, но в 1913 г. в петербургской газете «Новое время» тот же самый Розанов, который двенадцать лет назад восхищался красноречием кардинала Рамполлы, «силой» и «бесконечной живой дисциплиной» католицизма, очередной раз обернулся непримиримым православным идеологом и написал несправедливые слова в адрес Чаадаева, который в своей историософии якобы «развивал ту мысль, что Россия и Восток... остаются деревней, не слушая католической мессы и не слушая красноречивых итальянских и французских проповедников (курсив мой. — А.К.), таких же бритых, как сам Чаадаев»¹³⁵. И при этом зачем-то обозвал великого москвича Чаадаева «маленьким петербургским католиком»...¹³⁶.

---

¹³³ Розанов В.В. Рим. Страстная пятница в соборе св. Петра // Розанов В.В. Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков 1899–1913 гг. М., 1994. С. 85–88.

¹³⁴ Розанов В.В. Рим. Пасха в соборе св. Петра // Розанов В.В. Иная земля, иное небо... С. 100.

¹³⁵ Розанов В.В. Чаадаев и князь Одоевский // П.Я. Чаадаев: Pro et Contra (ред. А.А. Ермичев, А.А. Златопольская). СПб., изд-во РХГИ, 1998. С. 361.

¹³⁶ Там же. С. 368.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Гершензон М.О.* П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление // Гершензон М.О. Избранные труды в 2-х частях. Часть 2 (ред. Л.Г. Березовая) М., РОС-СПЭН, 1010. С. 180–301.
- Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.-Л., изд-во АН СССР, 1936. — 588 с.
- Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. IV: Путешествие в Западную Европу. 1824–1825 (Ред. М.Ю. Коренева) СПб.: Нестор-История, 2017. — 1032 с.
- Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811–1816 гг. (ред. Е.И. Тарасов). СПб., типография Императорской АН, 1913.
- Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. М., Высшая школа, 1991. — 463 с.
- Записки графа М.Д. Бутурлина (1817–1824) // Русский Архив, 1897. Т. 1, № 4. С. 577–652.
- Итальянские письма и донесения Сильвестра Феодосьевича Щедрина. 1818–1830 (ред. М.Ю. Евсевьев). М. — СПб., Альянс-Архео, 2014. — 760 с.
- Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские в Амальфи. М., Альтекс, 2012. — 142 с.
- Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские в Генуе. М., Альтекс, 2013. — 188 с.
- Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Венеции. М., изд-во О. Морозовой, 2019. — 576 с.
- Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Неаполе. М., изд-во О. Морозовой, 2016. — 576 с.
- Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Риме. М., изд-во О. Морозовой, 2014. — 496 с.
- Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Флоренции. М., изд-во О. Морозовой, 2016. — 640 с.

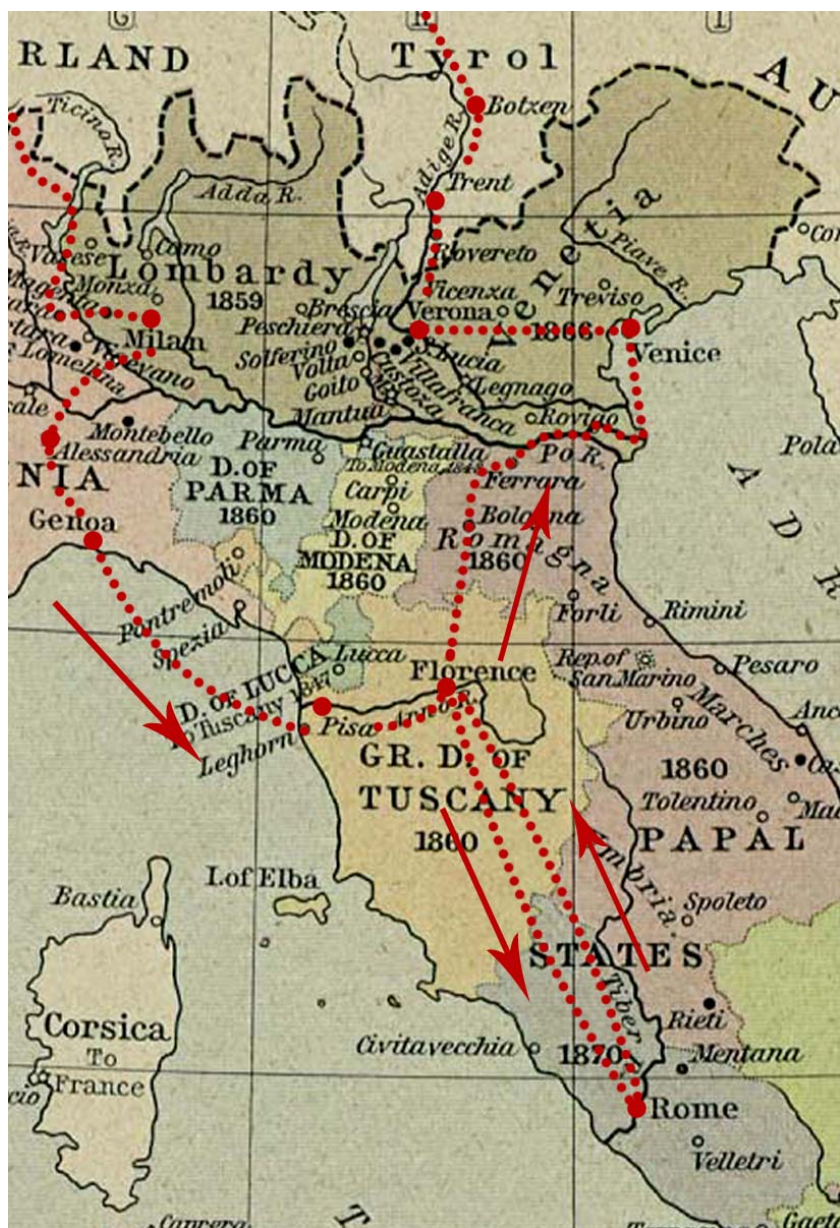
- Кара-Мурза А.А.* Швейцарские странствия Николая Карамзина. 1789–1790. М., Аквилон, 2016. — 110 с.
- Лонгинов М.Н.* Воспоминание о Чаадаеве // Петр Яковлевич Чаадаев. Философское и публицистическое наследие (ред. Б.Н. Тарасов). М., Русский мир, 2008. С. 316–340.
- Мандельштам О.* Петр Чаадаев // П.Я. Чаадаев: Pro et Contra (ред. А.А. Ермичев, А.А. Златопольская). СПб., 1998. С. 401–406.
- Парсамов В.С.* Николай Иванович Тургенев: «Нельзя произнести слово человек, чтобы не иметь вместе с сим понятия о свободе» // Российский либерализм: идеи и люди (ред. А.А. Кара-Мурза). Т. 1. XVIII–XIX вв. М., Новое издательство, 2018. С. 166–178.
- Погодин М.П.* Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник. М., Типография Н. Степанова, 1844, ч. I–IV.
- Розанов В.В.* Рим. Пасха в соборе св. Петра. // В.В. Розанов. Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков 1899–1913 гг. М., 1994. С. 100–105.
- Розанов В.В.* Рим. Страстная пятница в соборе св. Петра // Розанов В.В. Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков 1899–1913 гг. М., 1994. С. 85–88.
- Розанов В.* Чаадаев и князь Одоевский // П.Я. Чаадаев: Pro et Contra (ред. А.А. Ермичев, А.А. Златопольская). СПб., 1998. С. 360–369.
- Собрание сочинений В. Жуковского (6-е изд.). СПб., типография Императорской АН, 1869. Т. 6. — 820 с.
- Свербеев Д.Н.* Мои записки (ред. М.В. Батшев, Б.П. Краевский, Т.В. Медведева). М., Наука, 2014. — 942 с.
- Талалай М.Г.* Русский мир Милана. Прогулки по историческим адресам с Михаилом Талалаем. СПб., изд-во «Лик», 2001. — 256 с.
- Тарасов Б.Н.* Чаадаев. М., Молодая гвардия, 1986. — 448 с.
- Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма в 2-х тт. (ред. З.А. Каменский). М., Наука, 1991.
- Шаховской Д.И.* П.Я. Чаадаев на пути в Россию в 1826 году // Литературное наследство. Т. 19–21. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. С. 16–32.
- Шаховской Д.И.* Письма к И.М. Гревсу // Философский век. Альманах № 26. История идей в России: исследования и материалы. СПб., Санкт-Петербургский центр истории идей, 2004. С. 146–254.

ФОТОАЛЬБОМ

И.Е. Вивьен де Шатобрен.
Портрет П.Я. Чаадаева (1820-е гг.).

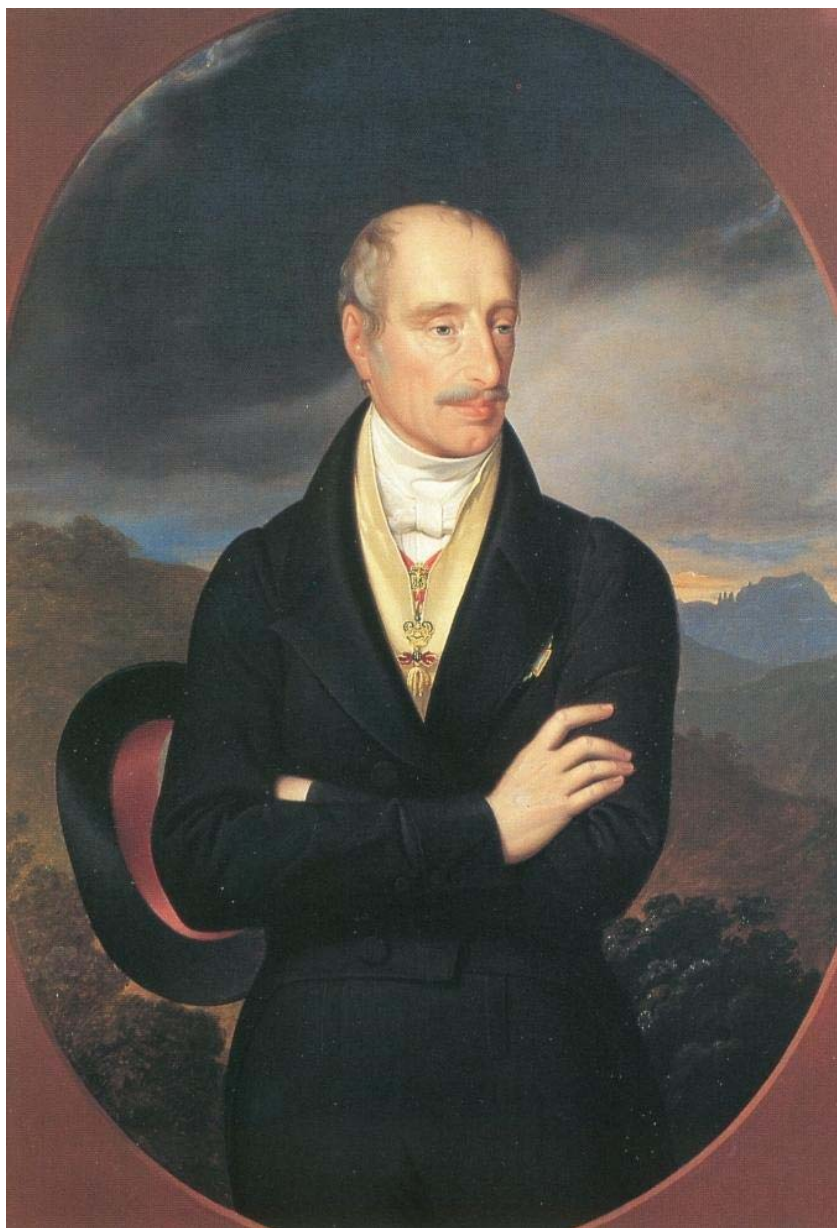
Маршрут «итальянского путешествия» П.Я. Чаадаева (1824–1825).

Симплонский перевал через Альпы,
которым П.Я. Чаадаев переправился в Италию в декабре 1824 г.

Домодоссоло у подножия «Святой горы» —
первый городок на итальянской стороне Альп.

Вице-король Ломбардо-Венецианского королевства
Иосиф Райнер Габсбург.

Король Сардинии Карл Феликс.

Великий герцог Тосканский Леопольд II.

Папа римский Лев XII.

Вид на Лаго Маджоре
(с картины Федора Матвеева).

Остров Isola Bella на Lago Maggiore
(с картины С. Гиффорда).

Милан.
Церковь Santa Maria delle Grazie.

Леонардо да Винчи.
«Тайная вечеря» в трапезной доминиканского монастыря.

Генуя.

Ливорно.

Вид Флоренции
(с картины А. Перро).

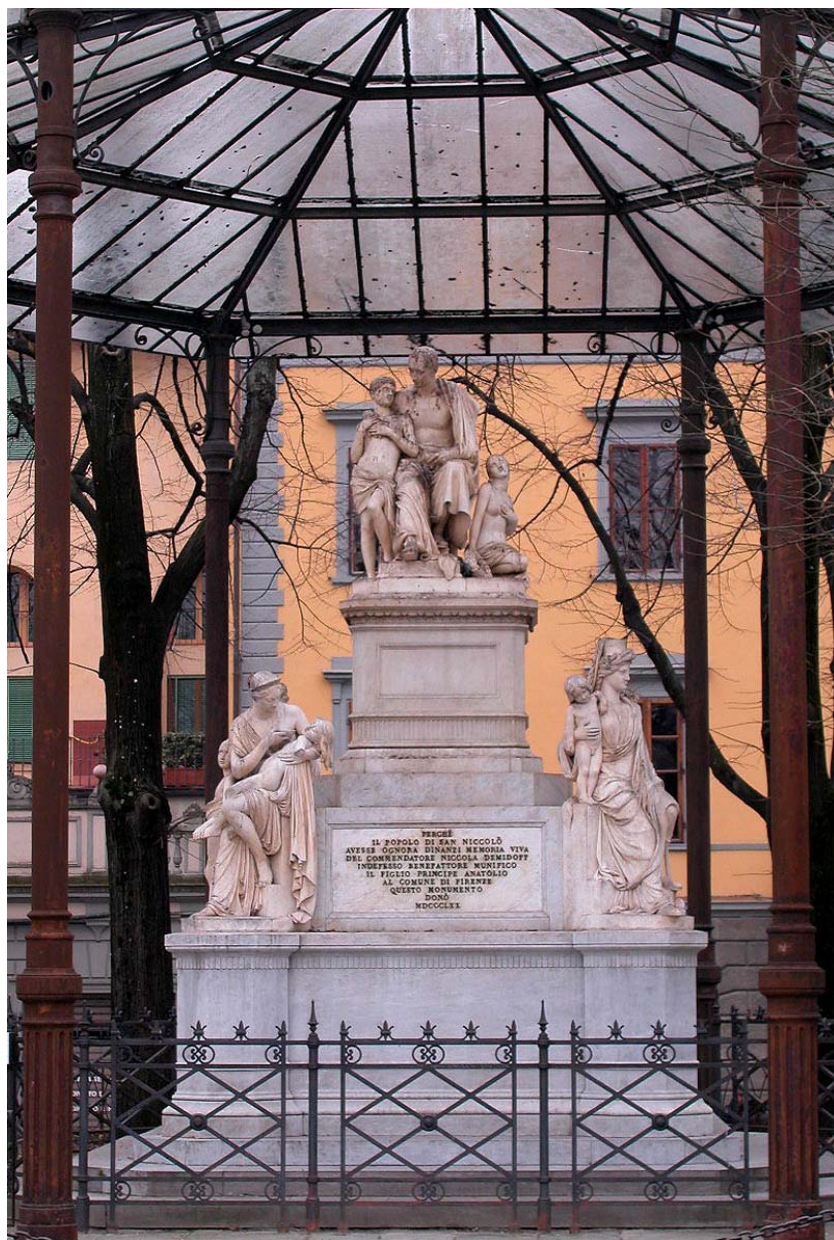
Вид Флоренции
(с картины В. Торреджани).

Николай Никитич Демидов — русский посланник
в Великом герцогстве Тосканском (с картины К. Морелли).

Портрет
тайного советника
Н.Н. Демидова.

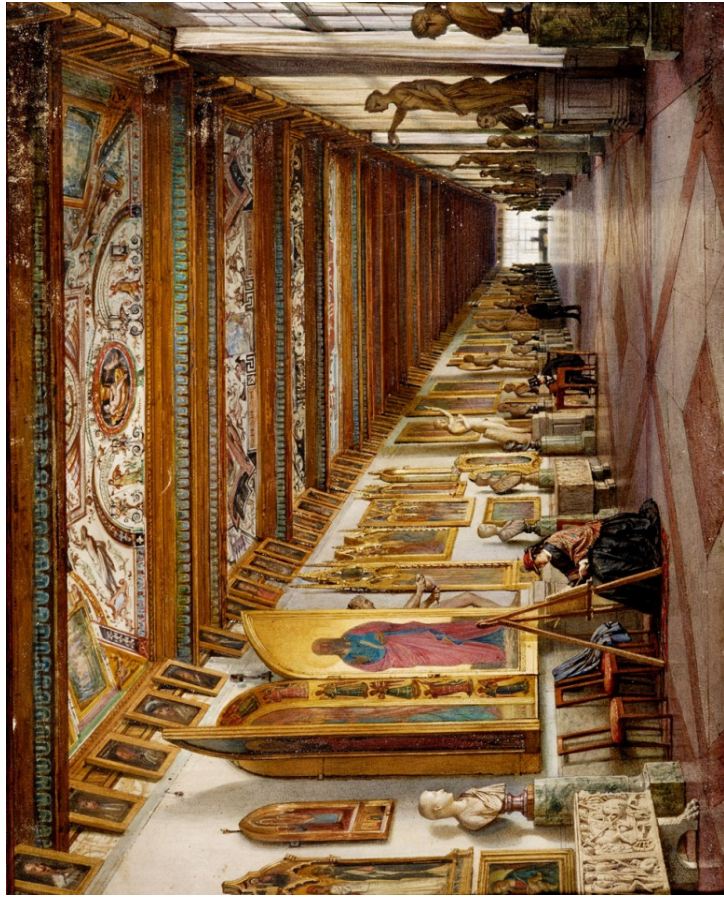
Памятник Н.Н. Демидову во Флоренции.

Площадь и церковь Санта Тринита во Флоренции.

Палаццо Буондельмонти на Piazza Santa Trinita, в котором находился любимый П.Я. Чаадаевым «Литературный кабинет Вьёссе».

Лоджия второго этажа галереи Уффици во Флоренции, где 31 января 1825 г. произошла встреча П.Я. Чаадаева с английским миссионером-методистом Чарльзом Куком.

Ареццо.

Кортона.

Перуджа.

Сполето.

Водопад Терни (с картины К. Шатле, 1780).

Водопад Терни (с картины Дж. Басси, 1820).

© ArtsDot.com - Jean Baptiste Camille Corot

Водопад Терни
(с картины К. Коро, 1826).

Площадь народа в Риме.
Сюда П. Я. Чаадаев приехал из Флоренции в середине марта 1825 г.

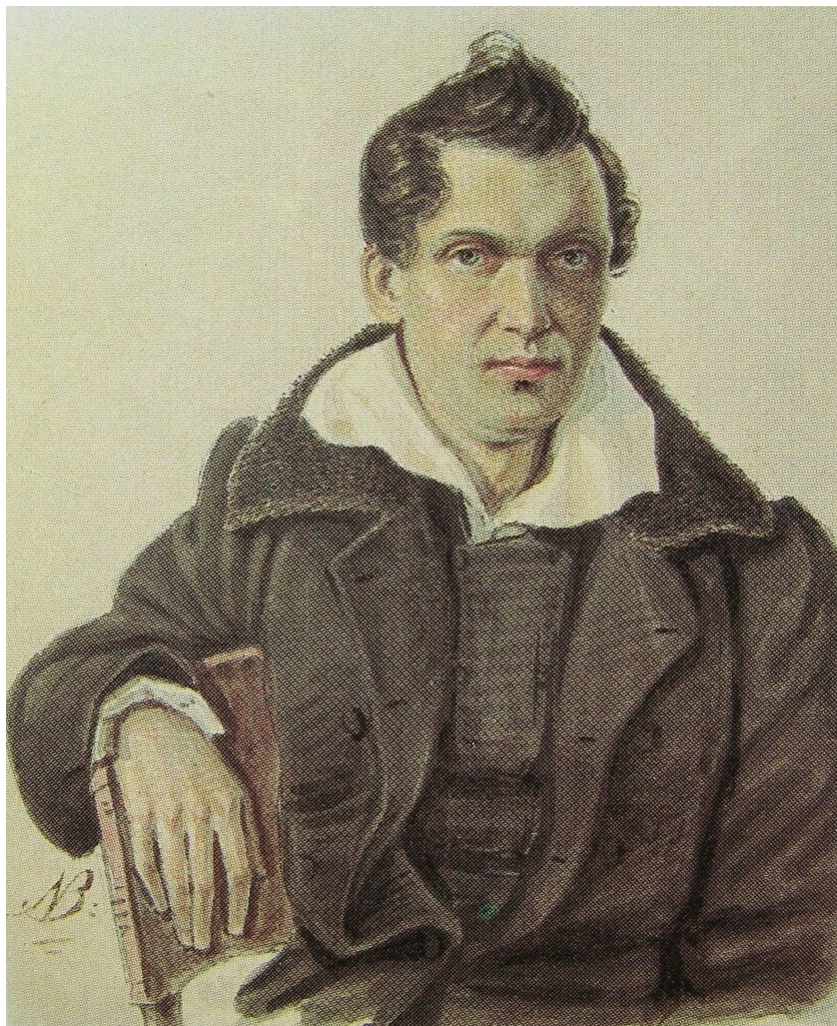

Площадь Испании в Риме.

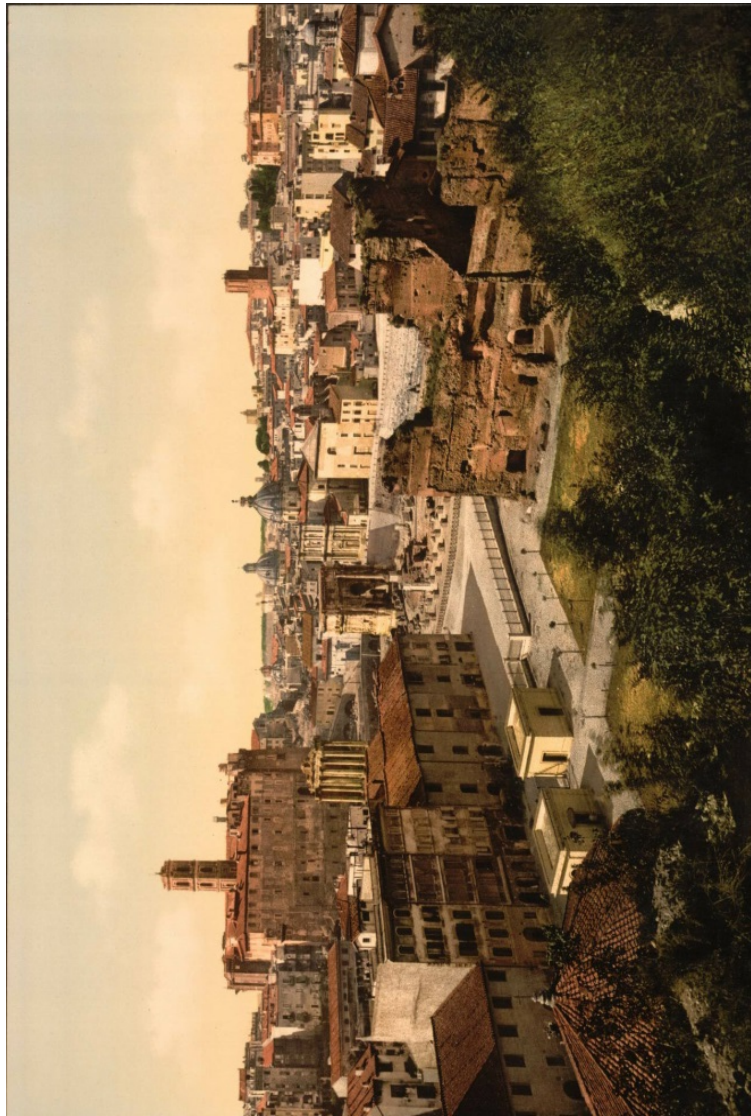
Слева — гостиница «Европа», где П.Я. Чаадаев и М.Ф. Митьков жили в марте-апреле 1825 г.

Николай Иванович Тургенев
(1789–1871).

Михаил Фотиевич Митьков
(1791–1849).

Вид на старый Рим с Палатинского холма.

Интерьер Собора св. Петра (с картины А. Панини).

Сикстинская капелла.

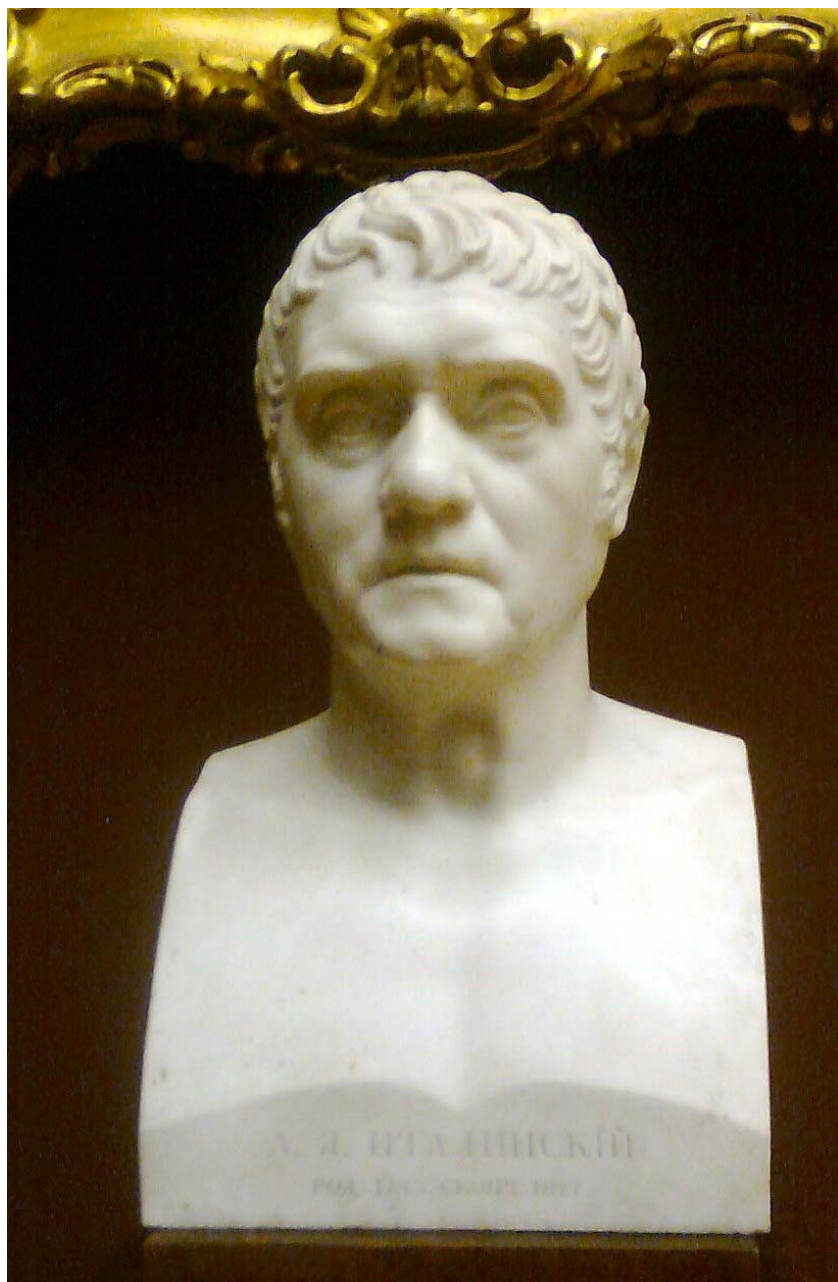
Sala Regia Апостольского дворца.

Парадная лестница в Palazzo Rondinini (Via del Corso, 518),
где располагалось русское посольство.

Орест Кипренский.
Портрет чрезвычайного посланника и
полномочного министра в Риме А.Я. Италинского (1819).

Самуил Гальберг.
Скульптурный портрет А.Я. Италинского (1823).

Вид Колизея (с картины Федора Матвеева).

Вид Колизея (с картины Сильвестра Щедрина).

Вид Колизея (с картины Никанора Чернецова).

Колизей (фотография XIX в.).

Федор Бруни.
Автопортрет (1823).

Федор Бруни.
Святая Цецилия (1825).

Федор Бруни.
Портрет княгини З.А. Волконской в костюме Танкреда (1824).
Чаадаев и Тургенев видели эти картины
в римской мастерской Бруни на Via Margutta 5 апреля 1825 г.

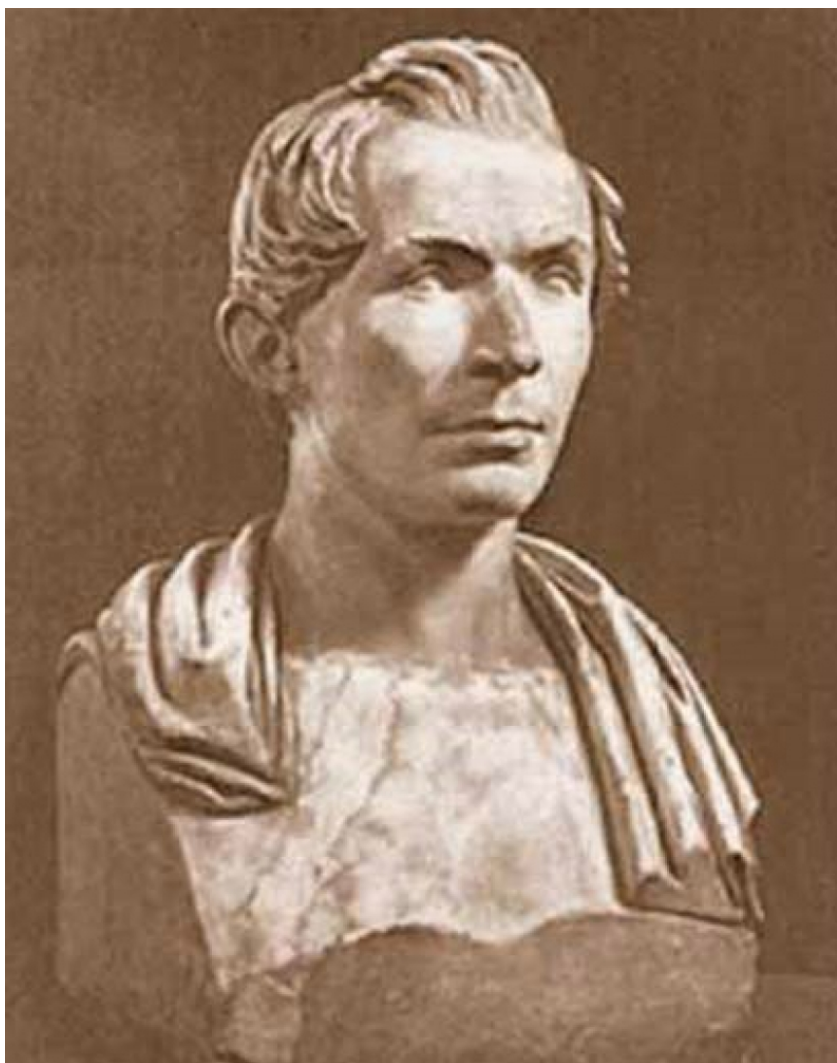
Петр Басин.
Портрет художника Сильвестра Щедрина (1822).

Карл Брюллов.
Портрет художника С.Ф. Щедрина (1824).

Сильвестр Шедрин. Новый Рим (1825).
Чаадаев и Тургенев видели эту картину в мастерской Шедрина на Via San Isidoro 5 апреля 1825 г.

Самуил Гальберг.
Скульптурный автопортрет (1851).

Самуил Гальберг. Начало музыки
(Фавн, прислушивающийся к звуку ветра в тростнике) (1825).

Самуил Гальберг. Граф А.И. Остерман-Толстой во время боя при Кульме.
Чаадаев и Тургенев видели гипсовые варианты этой скульптуры в мастерской Гальберга
на Via San Isidoro 5 апреля 1825 г.

Орест Кипренский.
Портрет художника Петра Басина (1829 г.).

Рафаэль Санти. Изведение Петра
(станцы д'Элиодоро).

Рафаэль Санти. Месса в Больсене (станцы д'Элиодоро).
Русский художник П.В. Басин копировал эти фрески Рафаэля
в Ватиканском дворце в 1820-х гг.

Капитолий.

Памятник Марку Аврелию на Капитолийском холме.

Римский форум.

Площадь Минервы.

Венеция (с картины Ф. Гварди).

Венеция (с картины Александра Мордвинова).

Верона.

Верона.

Тренто — последний пункт «итальянского путешествия» П.Я. Чаадаева.

А.А. КАРА-МУРЗА
ИТАЛЬЯНСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ПЕТРА ЧААДАЕВА
(1824–1825)

*Утверждено к печати
Институтом философии РАН*

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.М. Горелов*

Подписано к печати 01.10.2019
формат 60х90/16

Гарнитура Times. Печать цифровая
Усл. печ. л. 10. Тираж 500 экз.

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924–97–30
e-mail: aquilopress@gmail.com

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

*Все иллюстрации находятся в открытом доступе и
обработаны автором.*

ISBN 978-5-906578-49-5

9 785906 578495

В монографии известного философа и историка исследуются обстоятельства пребывания русского мыслителя Петра Яковлевича Чаадаева (1794–1856), 225-летие которого отмечалось в 2019 г., в Италии в декабре 1824 – августе 1825 гг. Выезжая летом 1823 г. за границу, отставной гвардии ротмистр Чаадаев первоначально вообще не планировал посещать итальянские государства, ограничившись Германией, Англией, Францией и, возможно, Швейцарией. Однако в ходе вояжа именно Италия (Сардинское королевство, Великое герцогство Тосканское, Папское государство и Ломбардо-Венецианское королевство, входившее в состав Австрийской империи) стала важнейшим по своему значению этапом его европейского путешествия. По мнению автора, именно во Флоренции и Риме у Чаадаева сформировались основные положения его оригинальной историософской концепции, изложенные затем в «Философических письмах» во второй половине 1820-х гг. Отдельным сюжетом книги является анализ обстоятельств возвращения Чаадаева в Россию в 1826 г., в разгар следствия по делу участников «декабристского заговора».

АКВИЛОН

